

М. ВОДОПЬЯНОВ - Ю. ЛАПШЕВ

СЕМЕЙНОЕ Счастье

B62.
P 34816

ИСКУССТВО
1945
МОСКВА - ЛЕНИНГРАД

М. ВОДОПЬЯНОВ
Ю. ЛАПТЕВ

Семейное счастье

КОМЕДИЯ В ЧЕТЫРЕХ
ДЕЙСТВИЯХ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«Искусство»
Москва 1945 Ленинград

Редактор *Б. Бегак*

Обложка художника
Е. Голяховского

Техн. ред. *А. Сидорова*

А24235. Подп. в печ. 1/XII 1945 г.

„Искусство“ № 2969. Кол. печ. л.

37/8. Уч.-изд. л. 3,04. Зн. в 1 п. л. 31436

Тираж 5000. Заяв 1120.

Цена 3 р. 25 к.

Тип. „Красный печатник“,
Москва, ул. 25 Октября, 5.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Скворцов Павел Павлович — 42 лет.

Наталья Кузьминична, его жена — 39 лет.

Ольга, их дочь — 18 лет.

Елизавета Кузьминична, сестра жены Скворцова — 37 лет.

Кузьма Федорович, отец Натальи Кузьминичны и Елизаветы Кузьминичны — 61 года.

Вера, племянница Скворцова — 19 лет.

Романов Василий Иванович — 32 лет.

Грохотов Евдоким Петрович — 19 лет.

Беляйкин Яков Савельевич — 46 лет.

Действие происходит в Москве, в квартире Скворцовых.

Действие первое

Общая комната в квартире Скворцовых. Комбинация столовой и гостиной. Обставлена хорошей, но случайной мебелью. Большой стол, буфет, тахта, трюмо, фикусы. Три двери — в спальню, в переднюю, в комнату Ольги и Веры.

На сцене Грохотов и Ольга. Они сидят на тахте, держатся за руки и молча смотрят друг другу в глаза. На патефоне крутится пластинка, сентиментальная, про любовь — что-нибудь вроде «Люба-Любушка, Любушка-голубушка»... Пока крутится пластинка, Грохотов и Ольга сидят молча, не меняя позы. Но вот пластинка окончилась, патефон пошипел, щелкнул и умолк.

Грохотов. Счастье!.. Вот оно. Я хочу, чтобы этот миг растянулся на вечность.

Ольга. Евдоким, милый!

Грохотов. Чтобы без конца звучала эта голубая, наивная песенка.

Ольга. Можно закрутить пластинку еще раз.

Грохотов. Не надо. Сейчас для меня и тишина звучит, как торжественные аккорды. Ольга, умоляю, прислушайся.

Пауза. За сценой грохнула посуда.

Ольга. Боже мой! Наверное, тетя Лиза тарелки разбила.

Грохотов. Пусть. Это к счастью... Ольга! Я сердце поэта — кровью дышащий мир — подношу вам, царица, на блюде.

Ольга рассмеялась.

Разве это смешно?

Ольга. Нет, нет... Просто мне почему-то вспомнилась тетя Лиза. Как она вчера торжественно тащила на блюде жареного леща и споткнулась. *(Смеется.)* Если бы ты видел ее лицо!

Грохотов *(вскакивая с тахты)*. Нелепое сравнение! Ужасная аналогия! Мне страшно. Как могла ты, актриса, в такой момент сказать своему жениху такие пошлые слова?

Ольга *(обнимая Грохотова)*. Евдоким,

милый, прости. Я же пошутила. Ну, просто мне весело, мне хочется посмеяться.

Входит Вера.

Какой ты красивый у меня, когда сердишься. Как Чацкий перед монологом — «карету мне, карету». Хочешь, я буду тебя звать дусей?

Грохотов (*успокаиваясь*). Это слишком женственно.

Вера. Правильно, Евдоким. Дуся происходит от женского имени Авдотья. Вы что — опять помирились?

Ольга. Вера, можешь нас поздравить. Правда, хороша пара?

Вера. Ничего. Только это серьезно?

Грохотов. Это непреложно, Верочка. Судьба, наконец, начинает меня баюкать. Пятнадцатого должно быть напечатано мое стихотворение «Помни о войне», а двадцатого... Чертовски медленно тянется время.

Вера. Для кого как. Вот мне за этот месяц нужно сдать шесть дисциплин, а дни прямо перескакивают один через другой. Вы лучше подождите со свадьбой до первого, как раз я сдам все зачеты. Вот погуляем!

Грохотов. Нет, нет, нет... Семь лет я вынашивал свою мечту.

Телефонный звонок. Ольга подходит к аппарату.

О л ь г а (*снимая трубку*). Хэлло!.. Дедусь, ты? Маму? Сейчас. (*Кричит.*) Наталья Кузьминична, вас к телефону!

Н а т а л ь я (*из-за кулис*). Меня нет и сегодня не будет.

О л ь г а. Зовет дедушка.

Н а т а л ь я. Иду.

В е р а. Все-таки я надеюсь, что двадцатого у вас не получится.

О л ь г а и Г р о х о т о в (*в один голос*). Почему?

В е р а. Говорят, в загсах большая очередь. Наплыв фронтовиков. Предварительная запись, как у врачей-гомеопатов. Ну, иду сдавать начертательную геометрию. Счастливые вы. Такая фундаментальная любовь теперь редкость. (*Уходит.*)

О л ь г а (*вдогонку Вере*). Вульгарщица!.. Не может обойтись без колкостей.

Г р о х о т о в. Ляля, неужели ты не понимаешь, что Вера, как и все девушки, завидует тебе — красавице.

О л ь г а. Мама!.. Дедушка сердится.

Н а т а л ь я (*появляясь в дверях*). Иду, иду. Так и проживешь всю жизнь растрепой.

Вслед за Натальей Кузьминичной, со щипцами для завивки в руках, идет Елизавета Кузьминич-

на. Наталья садится на стул у телефона, Елизавета немедленно начинает орудовать щипцами над ее прической.

Наталья (*в трубку*). Папаша, я вас слушаю... простите, папаша, я была очень занята и не могла сразу оторваться. Что, что? Не может быть! К нам едет сам товарищ Беляйкин? Что же вы раньше не предупредили меня, папаша?.. Что, что? Закуску? Алло!.. Алло!

Елизавета. Наточка, не трясись так головой.

Наталья. Алло!.. Алло!.. (*Дует в трубку, потом кладет ее.*) Ну, разве это не сумасшедший дом?

Ольга. Что случилось?

Наталья. Товарищ Беляйкин что-то устраивает папаше, и тот его тащит сюда. А я на два часа стоворилась с маникюршей. Господи, когда же кончится эта пытка... Ай!

Елизавета. Ната, я же просила тебя не дергать головой.

Наталья. Лелечка, золотце, нужно приготовить закуску, накрыть на стол.

Ольга (*капризно*). Мамочка!

Наталья. Ну, Лелечка!

Елизавета. Ната, я брошу завивать.

Наталья. И вот всегда так. Все на меня, все на меня. Ольга, ты же видишь, в каком положении твоя мать.

Грохотов. Верно, Леля. Ну, хочешь, я тебе помогу?

Ольга. Картошку чистить?

Грохотов. Ну и что же! Всякий труд благороден.

Ольга. Хорошо, пошли.

Грохотов и Ольга уходят.

Елизавета. Какой милый, воспитанный молодой человек Евдоким Петрович. Тут как-то я несу керосин, а он — давайте, говорит, я вам помогу, Елизавета Кузьминична. А шел в шляпе.

Наталья. Ну, что же ты хочешь — поэт. У него скоро будет стихотворение напечатано. О войне. Много денег получит. Чуть ли не по три рубля за строчку.

Елизавета. Такому человеку не жаль. Ну, а как у них дела с Лелечкой?

Наталья. Мою Лельку не поймешь. То она жить без него не может, а то... Смешные. Чуть ли не со второго класса у них роман длится... Может быть, спереди локонов не делать?

Елизавета. Что ты, что ты, Наточка. Теперь все передовые дамы так носят. Я недавно на «Князе Игоре» жену посла видела — нето мексиканского, нето румынского, в общем оттуда откуда-то. Так у нее прическа точь-в-точь, как у тебя. Только ты шатенка, а послыха крашенная. И платье, представь себе, в мелкий-мелкий розовый лепесток, а отделка зеленая. Поразительно!

Наталья. Да... за границей дамы умеют одеваться. Какие там расцветки!

Елизавета. Не верь. Жульничество. Разве я тебе не рассказывала, какой случай произошел с Полиной Лазаревной?

Наталья. Нет.

Елизавета. Умрешь. Склони голову немного набок. Понимаешь, у нее муж, Андрей Платоныч Паскудин, работал по снабжению армии парфюмерией и еще чем-то. Да... И часто выезжал на фронт. Один раз даже под бомбежку попал.

Наталья. Какое счастье, что все это прошло.

Елизавета. Не говори. Но Андрей Платоныч такой ловкий. Фронтовик — чего ты хочешь. Две медали получил. Да, так он ничуть не растерялся, моментально залез в

какую-то щель, и бомбы по нему не попали. Погоди, а о чем мы с тобой начали разговор?

Н а т а л ь я. О Полине Лазаревне ты что-то хотела рассказать.

Е л и з а в е т а. Всю память война съела. В общем, привез Андрей Платоныч Полиночке отрез. Полиночка сшила себе платье. У той портнихи, про которую я тебе говорила. Мадам Рубцова. Летнее. Коротенький рукавчик, юбка косая, с боков две складки, лиф, как у тебя на кремовом. В общем, ну, что тебе говорить. Вышла на улицу — нельзя идти. Все на нее смотрят. Ну, положительно все.

Н а т а л ь я. Представляю.

Е л и з а в е т а. И вдруг — дождь. Да какой! Полиночка только успела через площадь перебежать и как в таз окунулась. Несчастливая женщина! Лучше бы, говорит, мне под машину попасть, чем под этот дождь.

Н а т а л ь я. Полумаешь!..

Е л и з а в е т а. Ты слушай. Платьице и так коротенькое было, а тут еще невероятно сморщилось, перекосилось. Ну сплошное неприличие. Прохожие смеются. Ужас. И вообще, Наточка, скоро все европейские модницы будут приезжать к нам одеваться. Кстати, все забываю тебя спросить, что это

за человек к тебе приходил, вроде иностранца?

Н а т а л ь я. Лиза, я этого человека боюсь.

Е л и з а в е т а. А кто он?

Н а т а л ь я. Не знаю. Он приходил ко мне два раза вчера вечером и два раза сегодня утром. Ты понимаешь, спрашивает мужа, но, по-моему, нарочно выбирает время, когда Павла нет дома. Станный какой-то по разговору и глаза такие пронзительные. Всё видят.

Е л и з а в е т а. Жулик, может быть.

Н а т а л ь я. Ну, ты уж скажешь. Одет так хорошо. Пальто светлое, габардиновое, шляпа.

Е л и з а в е т а (*убежденно*). Жулик. Вот такой же франт у нас в восемнадцатую квартиру все приходил к супруге профессора Крамского. Сам-то профессор уезжал в Суздаль какие-то иконы рассматривать. А жене, конечно, скучно. Ну и познакомилась с этим,— архитектором, что ли, он объявился. И, вообрази, такой приличный. Придет, чайку попьет, поговорит о всяком. В общем ходил, ходил архитектор, а потом день нет, два нет, неделю не показывается. Мадам уже забывать начала и вдруг спохватилась. Боже мой, четыре серебряные ложки, новень-

кие профессорские штилеты и котиковое манто — тю-тю! Так что ты, Наточка, будь поосторожнее.

Входит Романов.

Романов. Вот и еще раз здравствуйте.

Наталья (*тихо Елизавете*). Он. (*Романову.*) Как вы сюда попали?

Романов. Нормально. Через дверь.

Наталья. А почему же мы не слышали звонка?

Романов. Потому что я не звонил. У вас не заперто. И в передней никого нет. Открыто живете. Как на Алеутских островах.

Наталья Кузьминична и Елизавета Кузьминична
переглянулись.

Елизавета. Вы ошибаетесь, молодой человек. Я проходила последней и дверь заперла на замок и на цепочку. Совершенно точно, на замок и на цепочку.

Романов. Разве я похож на Мефистофеля?

Елизавета. При чем тут Мефистофель?

Романов. А он, видите ли, имел способность появляться из самых неподходящих мест. Красиво жил товарищ. Дым, копоть — и он тут как тут. И всегда некстати.

Наталья. Павла Павловича нет.

Романов. А если я его подожду?

Наталья (*испуганно*). Что вы, что вы! Он вернется поздно. И я сейчас должна уйти.

Романов. Жаль.

Наталья. А что вам, собственно, надо от мужа?

Романов. Очень много.

Наталья. Тогда, может быть, вы скажете мне, в чем дело? У Павла Павловича от меня нет никаких секретов.

Романов. Простите, пока воздержусь.

Входят Ольга с двумя блюдами и Грохотов со стопкой тарелок.

Ольга. Мама, я сделала селедку, приготовила салат. Еще что надо?

Романов. Какая селедка!

Ольга (*кокетливо*). Я все делаю очень хорошо.

Романов. А говорят, нет идеальных девушек.

Грохотов. Ольга Павловна, куда ставить тарелки?

Наталья. Надо бы еще сделать подливку к сосискам. Томатную.

Ольга. Это уж ты сама.

Н а т а л ь я. Лелечка, мне безумно некогда. Романов. Ольга Павловна, вот товарищ интересуется, куда ему пристроить тарелки.

О л ь г а. Откуда вы знаете мое имя? (*Грохотову.*) Ну, поставь на стол.

Н а т а л ь я (*Романову*). Вот что, товарищ. Самое лучшее, если вы зайдете завтра к вечеру. А еще лучше послезавтра. Хотя послезавтра воскресенье, и мы с утра...

Р о м а н о в. Самое лучшее — не заходить совсем?

Н а т а л ь я. Но вы же говорите, что у вас какое-то дело?

Р о м а н о в. Не какое-то, а очень серьезное и срочное. Поэтому я рискну наведаться еще раз сегодня. (*Грохотову.*) Ольга Павловна сказала, что тарелки можно поставить на стол.

Г р о х о т о в (*резко*). А вам какое дело? Хочу и буду держать.

Р о м а н о в. Простите. Просто мне показалось, что вы находитесь в стесненном положении. До свидания. (*Уходит.*)

Все смотрят ему вслед. Пауза.

Н а т а л ь я (*Елизавете*). Ну, что ты скажешь?

Елизавета *(убежденно)*. Аферист.

Грохотов. Во всяком случае субъект оч-чень подозрительный. Костюм лорда, а манеры грузчика.

Ольга. А мне нравятся у него глаза. Какие-то очень пристальные и дерзкие. Он похож на Долохова. Только обидно, что курносый.

Елизавета. Знаем мы этих курносых. Ты пойди взгляни, все ли цело в передней.

Ольга. Глупости. Евдоким, значит нам надо еще приготовить подливку.

Грохотов *(сухо)*. К сожалению, я ухожу.

Ольга. Куда это? Ты меня хочешь оставить в такой день? Ставь на стол тарелки и пойдем.

Грохотов *(раздраженно)*. Да что вы все привязываетесь ко мне с вашими тарелками! *(С треском ставит тарелки на стол.)*

Ольга. Характерец, я вам доложу. *(Поворачивается, уходит.)*

Грохотов. Ляля!.. Ляля!.. *(Поспешно уходит вслед за Ольгой.)*

Наталья. Опять поцапались. Несчастье!

Елизавета. А все тот виноват. Глазастый. Он неспроста приходит, не-ет!

Наталья (*расставляя тарелки*). Ты тоже заметила? Этот человек принесет нам несчастье. Предчувствие меня никогда не обманывает. И Павла как назло нет и нет. Целыми днями пропадает.

Елизавета. Устроился?

Наталья. Нет, до сих пор ходит без дела.

Елизавета. Что ты скажешь!

Наталья. Правда, Павлу предлагают крупные должности. Директором совхоза. Потом начальником стройки. Потом каким-то уполномоченным.

Елизавета. Ну, так в чем же дело?

Наталья. В провинцию.

Елизавета. А-а...

Наталья. Но ты знаешь, Лизочка, я начинаю подозревать, что Павел и сам не прочь уехать из Москвы. Конечно, мне он сказать этого не решается, но... Не понимаю, как подменили человека.

Елизавета (*многозначительно*). Ну, еще бы.

Наталья. Что, что?

Елизавета. Не обращай внимания.

Наталья. Елизавета, ты что-то от меня скрываешь.

Елизавета молчит.

Наталья. Лизочка, умоляю!

Елизавета. Просто, Наточка, не хотела я тебя расстраивать. Садись сюда... Помнишь, как муж Полиночки ездил в часть к Павлу Павловичу... Ну, ты еще посылку передавала.

Наталья. Да, да, две пары носков теплых, свитер, водку и еще что-то.

Елизавета. Не икру?

Наталья. Икру паюсную. Четыреста грамм.

Елизавета. А в части Андрей Платоныч встретил какого-то своего приятеля. Тоже очень солидный человек — интендант... И тот ему кое-что сообщил.

Наталья. Про Павла?

Звонок в передней.

Елизавета. Идут. *(Скороговоркой.)* Андрей Платоныч, когда вернулся, рассказал Полиночке, а Полиночка мне. *(Почти шопотом.)* Была у твоего Павла там... Временная.

Наталья. Не может быть!

Елизавета. Ну, не станет же Андрей Платоныч наговаривать. И тот — приятель его — тоже культурный человек. Он до войны хлебопекарней заведывал. В Тамбове...

Связистка одна у них при штабе неотлучно находилась. Танечка. Забыла фамилию... Длинная. Андрей Платоныч говорит, такая лупоглазая и все хохочет. Теперь понимаешь?

Наталья. Танечка... Постой, постой, а ведь он как-то обмолвился. Так вот оно что!

Елизавета. Конечно, в Москву Павел ее перетащить не решается, вот и хочет выехать... Господи, ну до чего же все мужики одинаковые. Имея такого ангела жену...

Входит Скворцов.

Не волнуйся, Наточка. Ну, за эту прическу ты меня должна поблагодарить.

Скворцов. Сестрам привет. Прическа, действительно, колоритная. *(Целует жену, передает ей сверток.)* Вот, достал, наконец. Здравствуй, Лиза. Какие принесла последние известия?.. Чего это у тебя вид кислый?

Елизавета. Какая есть.

Наталья. Что тут?

Скворцов. Разверни, увидишь.

Наталья Кузьминична, не развертывая, кладет сверток на стол.

Что с тобой, Наташа?

Наталья. Надоело все это.

Скворцов. Ничего, ничего. Вспомни, как жили в сорок втором году... Сегодня ме-

ня сам нарком принял. Расспрашивал даже про семью. Интересовался, что я до войны делал, почему работал не по специальности. Такой любезный человек. Ты меня слушаешь?

Наталья. Ну, еще бы... Лиза, ты должна еще со мной к портнихе съездить. Помоему, она мне рукав испортила.

Скворцов. Да-а... Рукав — это вещь. Особенно на жилетке. А где Ёлочка?

Наталья. На кухне.

Скворцов уходит.

Елизавета. И где у людей совесть прячется?.. Наточка, только я тебе ничего не говорила. Про эту...

Наталья. Боишься?

Елизавета. Не за себя. Но ты знаешь, какой щепетильный человек Андрей Платоныч. Вот он, так сразу устроился. На пивную базу. Живут!.. Как голуби. Дачу покупать собираются.

Звонок в передней.

Наталья. Папаша.

Снова звонок.

Боже мой! А я еще не одета. Лизочка, займись. *(Поспешно уходит.)*

Елизавета *(развертывает сверток, до-*

стает сумочку). Заграничная!.. Ну, ясно. Что значит — совесть-то нечиста. Глаза отводит. (Смотрится в зеркало.) Вид, говорит, кислый. Нахал! (Уходит вслед за Натальей Кузьминичной.)

Входят Кузьма Федорович и Беляйкин.

Кузьма Федорович. А вот, товарищ Беляйкин, и наша теснота. Сами понимаете, какая в Москве жизнь. Понаехало гостей со всех волостей. Не протолкаешься. Сюда, сюда, прошу присесть.

Беляйкин. Это вы верно заметили. Растет Москва. Ничего. Я тут доклад слушал в одном месте... авторитетном...

Кузьма Федорович. Понимаю. Куда нас, грешных, не приглашают.

Беляйкин. Могу вас порадовать. Лет через пяток вы Москвы не узнаете.

Кузьма Федорович. А мы и сейчас на нее не жалуемся. Выросли, можно сказать, в белокаменной. Оперились. Грудью ее, матушку, от немцев отстояли... Наталья!

Наталья (из-за кулис). Одну минуточку.

Входят Скворцов, Ольга и Грохотов.

Кузьма Федорович. А вот и герой

наш. Зятек мой Павел Павлович Скворцов. Полковник, заметьте.

Беляйкин. Очень приятно. Беляйкин.

Скворцов. Здравствуйте. Много о вас слышал.

Кузьма Федорович. Надо думать. Товарищ Беляйкин — человек на виду. А это — внучка моя, Ольга. Беда мне с ней. Одно слово — актриса.

Ольга. Дедусь!

Беляйкин. Стесняться не надо. Искусство в нашей стране должно стоять на уровне с производством. Тут как-то я имел разговор с одним товарищем. Крупным товарищем. Поднимать будем искусство. Поднимать. Выращивать новые кадры.

Кузьма Федорович. А они сами растут. Как опята. Вот вам, пожалуйста, Грохотов Евдоким Петрович. До войны на партесидел, арифметикой занимался. А сейчас, кто бы мог поверить, стихи складывает о всяких явлениях. И очень удачно. Печатают даже... Наталья!

Наталья (из-за кулис). Сейчас. Сейчас...

Кузьма Федорович. Ну, что ты будешь делать? (Уходит.)

Беляйкин (Грохотову). Значит, вы поэт?

Грохотов. Лучше, если меня так назовут мои читатели.

Беляйкин. Скромность? Похвально. В таком случае попрошу вас зайти ко мне в учреждение. В отдел сбыта и оформления продукции, к товарищу Апрельскому. Они там придумали один фабрикат отделать стишками и рисунками. Я утвердил. Придете прямо от моего имени.

Грохотов. Благодарю вас. Но, понимаете, я — лирик.

Беляйкин. Тем лучше. Разговор идет о кондитерских изделиях, так что здесь лирика уместна.

Грохотов (*сухо*). Должен перед вами извиниться. По заказу я не пишу. Не получается.

Беляйкин. Ну, не сразу Москва строилась. Попробуйте, примеряйтесь. А мы поможем.

Входят Кузьма Федорович и Наталья Кузьминична.

Кузьма Федорович. А вот и наша хозяйка. Дочь моя старшая, Наталья.

Беляйкин. Очень приятно. (*Поднимается, целует у Натальи Кузьминичны руку.*)

Ну, никогда бы не сказал, что Ольга Павловна ваша дочь. Подруги — да.

Наталья (*кокетливо*). Ах, Яков Савельевич, если бы не война!

Кузьма Федорович. Чего говорить. Вся земля перетрусилась. Ты вот что, Наташа, и ты, Леля. Мы здесь сейчас мужской разговор затеем, а вы... (*Указывает на стол.*) Только поживее. Яков Савельевич человек занятой. Его в учреждении десятки людей ждут не дождутся.

Беляйкин. Кузьма Федорович, прошу не беспокоиться. Уже половина третьего, а в три ко мне прибудет комиссия. Вы же понимаете, что это такое?

Кузьма Федорович. Господи боже мой! Не на луна живем... (*Многозначительно.*) Наталья!

Наталья. Ну, хорошо, Яков Савельевич. Мы вам не будем мешать. Пойдем. Лелечка.

Наталья Кузьминична и Ольга уходят.

Ольга (*задерживаясь в дверях*). Евдоким Петрович!

Грохотов. Ага... (*Устремляется вслед за Ольгой.*)

Беляйкин. Так вот, Павел Павлович,

очевидно, Кузьма Федорович уже информировал вас о том, как обстоит дело.

Скворцов. Не совсем вас понимаю.

Кузьма Федорович. Товарищ Беляйкин, я ничего Павлу Павловичу не говорил.

Беляйкин. Что же это вы?

Кузьма Федорович. Да ведь все думаешь, как лучше. Пока я не знал вашего окончательного решения, так сказать, не рискнул. А то есть такая побасенка, как мужик зайца ловил. Еще, заметьте, не поймал, а уж начал барыши подсчитывать... Хе-хе...

Беляйкин. Кузьма Федорович! Ведь вы со мной, слава богу, работаете не первый год. И знаете, что я своего решения никогда не меняю. Короче говоря, Павел Павлович, хотим мы вас взять к себе.

Скворцов. Простите...

Беляйкин. Одну минуточку. Если не ошибаюсь, раньше вы работали по снабжению?

Кузьма Федорович. И неплохо, заметьте, работал. Премии ежегодно получал. Похвальную грамоту от союза пицевиков имеет.

Беляйкин. Прекрасно. А за войну вы, кажется, получили орден?

Скворцов. Я награжден тремя орденами.

Кузьма Федорович. И двумя медалями. Он на Днепре какую переправу сочинил! И моста вроде нет, а танки идут, яко посуху. Маршал приехал, удивился и тут же ему орден наклеил. Первой степени. В газете даже об этом происшествии писали.

Беляйкин. Разрешите, Павел Павлович, еще раз позвать вашу руку. Радостно сознавать, что и из нашей среды выдвинулись герои. Вот, товарищи, именно таким людям сейчас открыта широкая дорога. Именно таких людей мы всячески будем поддерживать. Я, например, в своем учреждении выкинул лозунг: дорогу фронтовикам. *(Увлекаясь, начинает говорить, как на совещании.)* А то некоторые товарищи отсиживались всю войну на тепленьких местах и, я бы сказал, закостенели. Да, да. Такие не понимают, что сейчас нужно работать по-иному. Наш потребитель хочет хорошо жить и снабжаться. Потребитель заслужил этого. И мы должны отдать все силы на служение потребителю. Что вы скажете на это, товарищи?

Кузьма Федорович. Да уж тут слова не прибавишь.

Беляйкин. Вот мы и решили, так ска-

зять, освежить учреждение. Влить новые кадры. Выдвинуть на руководящую работу товарищей, проверенных в бою. А людей инертных — убрать. Малоинициативных — перевести в низовую сеть, в провинцию. А?

Скворцов. Неплохо придумано.

Кузьма Федорович. Вот и главное.

Беляйкин. Так вот, Павел Павлович, что вы скажете, если я порекомендую вас на должность директора одного из крупных ресторанов?

Пауза.

Кузьма Федорович. Ай, весело! Ну, прямо вы в точку попали, товарищ Беляйкин. Живительная струя... Наталья, Наталья! *(Поспешно уходит.)*

Скворцов. Яков Савельевич! Понимаете, война для всех нас явилась большой проверкой. Вот, например, я приобрел новую специальность. То есть она для меня не новая. Ведь я когда-то учился в Московском высшем техническом училище на строительном факультете. И очень увлекался этим делом. Но не окончил... по семейным обстоятельствам. И если бы не война...

Входят Кузьма Федорович и Наталья Кузьминична.

Кузьма Федорович. Вот, Наташа, что значит товарищ Беляйкин. Директором ресторана твой муж будет.

Наталья. Уж не знаю, как и благодарить вас, Яков Савельевич. А то муж ходил-ходил, ходил-ходил — поверите, всю душу вымотал. Вы же понимаете, кое-как устроиться не хочется...

Беляйкин. Зачем же? Человек заслужил. А благодарить меня не за что. Наши интересы совпадают. Но, Павел Павлович, я хочу, чтобы вы начинали работать с открытой душой. Если вам не нравится должность директора ресторана, я подыщу другую. Все в наших силах.

Кузьма Федорович. Как вы сказали — не нравится?.. Дело-то какое — почтенное, не пыльное и веселое. Люди пороги обивают из-за таких мест.

Скворцов *(нерешительно)*. Я подумаю, Яков Савельевич.

Наталья. Сколько же можно думать?

Беляйкин. Павел Павлович прав. Я лично всегда ценю в людях обстоятельность. Но хотелось бы получить ответ завтра утром. А сейчас... *(Взглянул на часы, поднялся.)*

Наталья. Нет, нет, Яков Савельевич. Я вас так не отпущу. Такой дорогой гость...

Беляйкин. Не могу. Кроме всего прочего — диета. Поизносился за время войны, изработался.

Наталья. Никаких «не могу».

Скворцов. Наташа!

Беляйкин. Поверьте, я очень рад познакомиться с такой семьей. *(Отвешивает общий поклон.)* Вот, кстати, насчет приличной квартирки вам нужно подумать. Мы тут домик один восстанавливаем... Ну, это не уйдет.

Беляйкин идет к двери. Кузьма Федорович и Наталья Кузьминична его провожают.

Кузьма Федорович. Праздник вы к нам в семью принесли, товарищ Беляйкин.

Уходят. Пауза.

Скворцов. Ловкие люди... Эх, нельзя студенту жениться, нельзя.

Вбегает Ольга.

Ольга. Папочка, милый! Поздравляю тебя, очень я рада. *(Обнимает отца.)* Как все-таки тебя все уважают...

Скворцов. С чем же ты меня, Елочка, поздравляешь?

Ольга. С большим успехом. Мама говорит, что ты будешь директором ресторана.

Скворцов. Ты что-то путаешь, Леля. Может быть, совхоза, а не ресторана?

Ольга (*разочарованно*). Совхоза?

Скворцов. Очень крупного. Разве это хуже?..

Ольга. Ну, какое же может быть сравнение! Постой, папочка. Но ведь в Москве совхозов нет?

Скворцов. Ну и что же? Поедем куда-нибудь на Днепр или на Двину. Строить будем. Ты только вдумайся в эти слова — строить! Создавать! Творить!.. Эх, Лелечка, прошел я за годы войны по своей стране и помолодел. Какие просторы! Какие возможности!

Входят Кузьма Федорович и Наталья Кузьминична.

Ольга. Mamочка, разве мы в совхоз едем?

Наталья. Ты с ума сошла, Ольга! В какой еще совхоз?

Ольга. На Днепр или на Двину. Папа говорит.

Кузьма Федорович. Шутит папочка. Хе-хе... Да его туда, небось, калачом не заманишь.

Наталья. Неуместные шутки... Павел,

Яков Савельевич сказал, чтобы ты сегодня же написал коротенькое заявление на его имя, а завтра утром он тебя примет без очереди... Ну, слава богу, наконец-то кончилась эта неопределенность. Ведь никаких нервов не хватит.

Скворцов. Наташа... я все-таки еще подумаю.

Наталья. Вот как!

Кузьма Федорович. А чего тут думать? Чего еще лучшего ждать? Ведь не в дворники тебя нанимают. Конечно, Павел Павлович, может быть, для тебя мое суждение и коротенькое, но я, слава богу, шестьдесят лет прожил — на жизнь не обижался, и люди на меня не обижались. Большого не нажил, но и за маленьким не бегал. Поимей в виду: пять человек детей поил, кормил, воспитывал и в люди вывел. Внуки вот выросли — девять душ.

Скворцов. Кузьма Федорович, дорогй! Если бы ты знал, как я тебе благодарен за твои заботы. А то, что ты всю войну моей семье помогал, этого я никогда не забуду... Только... я хочу, чтобы и вы, мои родные, меня поняли.

Наталья. Мы тебя давно поняли. Да, да. Что ты на меня так смотришь?

Скворцов. *(расстроено)*. Опять!

Наталья. Ах, вам не нравится? Вам в семье тесно? Пожалуйста! Можете ехать в совхоз, в колхоз, в Сибирь, на Камчатку, хоть к тропику Рака. Никто вас держать не будет. *(Многозначительно.)* А некоторые люди, может быть, и обрадуются.

Скворцов. Какие люди? Зачем этот дешевый тон, Наташа?

Наталья. Павел! Оставим разговор. По моему, мы друг друга отлично понимаем.

Ольга *(обнимая отца)*. Папочка, милый, как нехорошо. Ну, неужели ты нас не любишь?.. Ведь мы так ждали тебя эти четыре года. Так мечтали с мамочкой о тебе, пожить опять вместе... Да, а ведь еще Яков Савельевич квартиру нам обещал.

Кузьма Федорович. Его слово крепкое. Вот человек — философ.

Скворцов. Эх, Лелечка! Ну, хорошо... хорошо. *(Пошел.)*

Наталья *(вслед)*. Заявление написать не забудь!

Скворцов. Напишу. Хоть тридцать заявлений напишу. *(Уходит.)*

Кузьма Федорович. Наталья, это не годится. Твоя мать никогда так со мной не разговаривала. Хочешь знать — муж всему

голова. Павел у тебя золотой человек. А лаской из него веревки вить можно.

Наталья. Папаша, я знаю, что делаю. Вы лучше не вмешивайтесь.

Кузьма Федорович. Что? Ты с кем это так разговариваешь? Я ведь не посмотрю, что колец на голове навертела. Как возьму за косы!

Ольга. Дедусь! Ну, что вы все ссоритесь? Скучно это. Понимаете, скучно.

Входит Романов.

Романов. Некстати, кажется?

Наталья. Опять вы здесь?

Романов. И обратите внимание, опять без звонка явился. Девушка какая-то сероглазая мне открыла. Очень любезная девушка. Своим ключом.

Ольга. Вера, очевидно. *(Романову.)* А вы побрились? И не очень удачно.

Романов. Заметили? К ученику попал. Хорошо Анатолий Франс сказал: «Лучше два раза в жизни родить, чем каждый день бриться».

Ольга. Ну уж, знаете ли..

Наталья. Павел! К тебе пришли.

Кузьма Федорович. Что-то мне ваша личность, товарищ хороший, знакома.

Вы не на колбасной фабрике, случаем, работаете в Лефортове?

Романов. Мечтаю об этом, но пока не получается.

Ольга. Фу!.. А я думала, что вы человек искусства.

Входит Скворцов. Пауза.

Романов. Товарищ полковник... Явился, как видите.

Скворцов. Вася! Ей-богу, Вася! (*Подбегает к Романову, обнимает его.*) Вот спасибо, что не забыл. А то я совсем заглох здесь. Но какой же ты модный! Вася и не Вася. Шляпа. Галстук семи цветов.

Романов. Тросточку еще мечтаю купить. Я, брат, всю Европу исколесил.

Ольга. Ай, как интересно!

Скворцов. Наташа, это мой фронтовой друг. Познакомьтесь — Герой Советского Союза, гвардии подполковник Василий Иванович Романов.

З А Н А В Ё С

Действие второе

Та же декорация. Яркое солнечное утро. В комнате Скворцов и Романов. Они стоят обнявшись у окна. Доносится песня. Она звучит все тише. Поющие удаляются.

Романов. Хорошо, Павел, а? Смотри, вот она — наша красавица Москва. Утро. Песня... Дождались.

Скворцов. Дождались. *(Отошел. Опустился на кушетку.)*

Романов. Ты мне что-то не нравишься.

Скворцов. Если бы только тебе. Я сам себе противен. В тупичок какой-то попал. Ну, до чего же все глупо... Ведь четыре года мечтал об этих днях. Как вернусь в Москву, к семье. Как сяду вот здесь, в этой комнате, вот на эту кушетку. Кругом свое, родное. Жене писал, чтобы обои не переклеивали... Не получилось.

Романов. Почему не получилось? Вот ты и сидишь в этой комнате, на этой кушетке. И обои, повидимому, те же самые. Правда, сменить их не мешало бы, но это неважно. Как обрамление к мечте они годятся... Прости, Павел, я тебя просто не понимаю. Сейчас ты, полковник, трижды орденосец, пойдешь к этому самому гению пищеблока — Беляйкину. Он водрузит тебя на должность директора ресторана. А завтра я к тебе эскалоп из барашка есть приду. По специальному заказу. Выпьем, повидимому. Прямо не жизнь, а ту-степ намечается.

Скворцов. Иди ты к чорту!

Романов. Повторяешься.

Скворцов. Эх, завидую я тебе, Вася! И воевал ты как-то непринужденно и уверенно. Недаром ребята говорили, что от Романова пули отскакивают, а снаряд только вмятину оставляет. Потом, когда это ты мог мечтать, курносый, побывать в Берлине, в Париже, в Будапеште?

Романов. В Копенгаген, жалко, не попал. Название мне очень нравится. Вроде гоголь-моголь.

Скворцов. И вот сейчас. Кончилась война и сразу нашел ты себе дело по душе. Де-

ло нужное, интересное. Везет. И одеколоном вон от тебя за версту тянет.

Романов. Коти. Оно въедливое. Верно говоришь, Павел. Все верно. Только я никак не пойму — почему же ты от этого, как сам говоришь, нужного и интересного дела отбрыкиваешься? Не буду скромничать — отношусь сам к себе с уважением. Но тебя ставлю еще выше. Помнишь дело с наведением переправы на Одере? Моисею, который когда-то раздвинул море, закрыться надо. Молодец!.. Слушай, Павел, не валяй дурака. Плюнь ты на эту шашлычно-ресторанную будущность и поедем строить. Масштабы-то какие, Павел!.. А ты справишься. Недаром на эту должность сам маршал тебя рекомендовал. Старик не ошибется.

Скворцов. Опять, Василий? Ведь почти всю ночь мы с тобой на эту тему говорили.

Романов. Семья?

Скворцов. Да. Да. Да.

Романов. Отбой.

Скворцов. Может быть, для тебя странно. Смешно, может быть? Но лучше этого вопроса не касайся. Семья для меня — святое. Двадцать один год жизни. Жена, Лелечка, Вася...

Романов. Кстати, где же мой тезка?

Скворцов. Уехал, чортушка. С комсомольцами Сталинград восстанавливать. Ты не представляешь, какой это для жены удар был. А если еще я уеду... Не переживет. И Ольга... Способная она у меня девчурка.

Романов. Тоже не переживет?

Скворцов. Вася!

Романов. Молчу. Но вот к маршалу я бы на твоём месте сходил. Как он к тебе относится!.. У Скворцова, говорит, громадная будущность. Он, говорит, может быть, даже директором ресторана будет.

Скворцов. Выгоню, Василий.

Романов. Нельзя. Я, как-никак, Герой Советского Союза. Значит, договорились? Побываешь у маршала?

Скворцов. Надо бы, конечно. Но вот когда?

Романов. Вопрос серьезный. Если человек ни черта не делает, ему всегда некогда. Да вот сейчас возьми и забеги. По утрам маршал всегда дома. За прием ручаюсь, еще коньячку, гляди, прорежете.

Входит Вера.

Вера. Дядя Павлуша, я вам не помешаю?

Скворцов. Нет, Веруша. Что готовишь?

Вера. Соппротивление материалов.

Скворцов. Ну, как?

Вера. Трудно.

Скворцов (*взглянув на часы*). Однако, что же это я думаю?

Романов. Зайдешь?

Скворцов. Не уверен. А ты меня жди, Вася. Обязательно. Вечером в театр сходим или в цирк. А то и в парк культуры можно прогуляться. Это ведь Москва. (*Пошел, задержался.*) Да, Василий, чуть не забыл. Если ты не хочешь, чтобы моя семья тебя возненавидела, молчи. Понял?

Романов. Тщетная предосторожность. Моя настольная книга — история дипломатии. Английской школы придерживаюсь — бить по мешку, имея в виду осла.

Скворцов. Ну и язык у тебя... вредный. (*Уходит.*)

Романов (*Вере*). Я вам не помешаю?

Вера. А вы что делать собираетесь?

Романов. Сидеть и смотреть в окно.

Вера. Тоже дело!..

Романов. Я в ваши годы не был таким суровым.

Поспешно входит Ольга.

Ольга. Где папа?

Романов. Ушел.

Ольга. Ну, вот. А заявление не взял Якову Савельевичу.

Вера. Дядя Павлуша только что вышел.

Ольга (*подбегает к окну, высовывается*). Папа!.. Папа!.. Подожди! (*Убегает вслед за Скворцовым.*)

Романов. Пути Павлу не будет. Примета верная. Да... Вот обо мне никто так нежно не заботится.

Вера. По-моему, вам этого и не требуется. Вы какой-то удивительно благополучный человек. Таким легко жить.

Романов. Просто жить — для всех дело не хитрое. А вот хорошо жить — труднее.

Входит Ольга.

Ольга. Папочка стал такой рассеянный. Как на всех отразилась война!..

Романов. И на вас тоже?

Ольга. А что вы думаете? Ведь вы не знаете, какая я была до войны.

Романов. Подозреваю, что на четыре года моложе. И с косичками. Но не думаю, чтобы еще красивее.

Ольга (*кокетничая*). Василий Иванович... разве уж я вам так нравлюсь?

Романов. Мелечка, вы просто не наблюдательны. Да я вчера, когда вас увидел, как под минометный огонь попал. Из шестиствольных, спаренных. Спрятаться даже захотелось. Но от судьбы не спрячешься. Жаль, что вы сегодня не в том платье. Голубое вам к лицу. И обидно, что я не поэт.

Ольга. Зато вы Герой Советского Союза.

Романов. Это слабее. Бешеный, однако, успех у одаренных мужчин. Возьмите Наталью Гончарову. Первая красавица была, а влюбилась в Пушкина. Или вы. Забыл фамилию вашего жениха. Громыхалов, кажется?..

Ольга. Грохотов.

Романов. Ну, вот видите. Тоже звучная фамилия.

Ольга. Нечего смеяться. Евдоким талантливый поэт. И держится совсем как Лермонтов. Вы же вчера слушали его стихи. Плохо, скажете?

Романов. Ну, что вы! Я, правда, в поэзии мало разбираюсь, но сразу заметил, что все происходит в рифму. Только одно выражение мне не понравилось.

Ольга. Какое?

Романов. Погодите, как это?.. Да, «си-

рень в саду, сирень в глазах, сирень с плечей твоих струится»...

Ольга. Вы, действительно, ничего не понимаете. Это поэтический образ. Представьте себе: весна, цветущий сад. Девушка пришла на свидание в сиреновом платье.

Романов. Это мне легко представить. Картина знакомая. Но что-то в этой лирике мне режет слух. «И слетела с плечей казачьих удалая голова».

Вера. С плеч, может быть?

Романов. Вот и мне так кажется. Верочка, мы вам, наверное, мешаем.

Вера. А я вас не замечаю.

Ольга. Она у нас строгая. Василий Иванович, меня очень интересуется, какое дело у вас к папе?

Романов. Мелочь.

Ольга. Позвольте, вы же сами говорили, что дело, касающееся всей нашей семьи.

Романов. Уже не касается. Перелет... Лелечка, значит, вы хотите стать актрисой?

Ольга. Ну, еще бы. Только мне ужасно не везет. Если бы вы знали, сколько за свою жизнь я перенесла разочарований... Ведь я было начала учиться пению.

Романов. Пропал голос?

Ольга. Оказывается, его у меня и не бы-

ло. То есть я могла бы стать обычной певицей. Но это мелко. В искусстве или все, или ничего. Потом я стала учиться рисовать.

Романов. Но и Левитан из вас не случился.

Ольга. При чем тут Левитан? Левитан— это важные сообщения, знаменитый диктор.

Романов. Да, да, действительно. В общем, насколько я понимаю, с живописью у вас не пошло.

Ольга. Откровенно говоря — надоело. Это каторжный труд. А кроме того, нужна студия. Ведь не могу же я написать «Джюконду» вот в этой комнате.

Романов. Да-а. Может не получиться.

Ольга. Теперь, надеюсь, понимаете, почему я решила стать драматической актрисой?

Романов. Единственный выход. Во всяком случае, внешность у вас подходящая. Вам бы бесприданницу сыграть или даму с камелиями.

Ольга. Ого! А вы разбираетесь. К сожалению, люди не представляют, что нужно молодой актрисе, чтобы попасть в театр, да еще на хорошее положение.

Романов. Неужели талант?..

Ольга. Боже, какой наивный! Надо стать или женой режиссера или, по крайней мере, племянницей художественного руководителя.

Романов. Выбор ограниченный. А вы что — учитесь в студии?

Ольга. Когда? Я только что окончила десятилетку. Но я уже прочла книгу Станиславского «Моя жизнь в искусстве». А кроме того, выпускники нашей школы ставили пьесу «Лихие дни», и я там играла девушку-партизанку. На спектакле был отец одной моей подруги, артист Пушкарский, может быть, слышали?

Романов. Нет. Не приходилось.

Ольга. Зря. Известный комик. Так он сказал, что у меня есть сценическое обаяние. А это главное. Только сейчас очень трудно попасть в хорошую студию.

Романов. Хотите, я вас устрою в студию при театре? Руководитель — народный артист республики.

Ольга. Вы? У вас есть знакомства?

Романов. Я сам по себе влиятельное знакомство. Серьезно. Собирайтесь, Лелечка, и поедем.

Ольга. Куда?

Романов. Курс на запад. Правда, в

городе побывали немцы и здания театра там пока нет, но будет. Могу вам даже показать проект. Что вы на меня так смотрите?

Ольга. Вы чудак. Чтобы я бросила Москву — центр искусства? Да если хотите знать, все великие актеры выросли здесь. Возьмите школу Станиславского.

Романов. Лелечка, вы глубоко заблуждаетесь. Во-первых, я вам назову десятки прекрасных актеров, выросших в провинции, а во-вторых, в Москве вы рискуете остаться только зрителем. Советую вам серьезно подумать.

Ольга. Нет, нет, нет... и думать не хочу.

Романов. Обидно. Вы верите, что меня лично ваш отказ очень расстраивает?

Ольга. Даже так! Тогда перебирайтесь в Москву. Дедушка через Якова Савельевича вас хорошо устроит.

Романов. Нет, Лелечка... Очень я люблю Москву. Может быть, больше, чем вы, но... у меня широкие планы. И боюсь, что такой яркой жизни, которую я себе наметил, у меня в Москве не будет.

Ольга. Как знать! Хотя все зависит от того, что вы называете яркой жизнью... А в общем, мы еще поговорим с вами, Василий Иванович. *(Многозначительно.)* Я вас сагити-

рую. (Уходит, напевая: «Друга я никогда не забуду, если с ним повстречалась в Москве...»).

Пауза.

Романов. Ну, как, Верочка, подается ваше сопротивление материалов?

Вера. Лучше, чем ваше. (Отрываясь от книги.) А счастливая все-таки Леля.

Романов. Завидуете?

Вера. Да. Очень много значит для девушки красота. Пожалуй, все.

Романов. Именно так рассуждают девушки в Париже.

Вера. Бросьте. И в Сибири так же. Сколько я знаю умных, хороших мужчин, и все они женаты на красивых женщинах. Вот у нас есть один профессор, читает начертательную геометрию. Молодой, не уже с именем. Некрасивый, правда. И посмотрели бы вы на его жену.

Романов. Хороша?

Вера. Очень. Настолько хороша, что мужчины даже не замечают, что она глупа до изумления.

Романов. И вы из этого выводите правило?..

Вера. Не только из этого. Да зачем далеко ходить? Вот вы только вчера познакоми-

лись с Ольгой, а сегодня уже предлагаете ей ехать с вами. Разве не так?

Романов. Допустим. Но разве это для девушки главное?

Вера. Главное. Есть, правда, другие, постные теории, но... Вот меня никто никогда и никуда не звал...

Входит Наталья Кузьминична.

Наталья. Ужас! (*Устало опускается в кресло.*) Жить в Москве стало положительно пыткой.

Романов. Здравствуйте, Наталья Кузьминична. Мы с вами еще не видались. (*Подходит к Наталье Кузьминичне, целует у нее руку.*) Чем вы расстроены?

Вера уходит.

Наталья. Сплошное безумие. Эти дуры всбесились. А он, конечно, этим пользуется. Еще бы — одна дама, другая, третья. Молиться на него готовы.

Романов. Тенор?

Наталья. Нет, сапожник. Но какой!.. Вообразите — сделал он туфли Полине Лазаревне. На носке такой вырез, пятки нет совсем, ну, просто непонятно, как на ноге держатся. Но туфли! У Поляночки ноги некра-

сивые, толстые и немного кривые. Но в этих туфлях — газель! Бывают же такие гениальные люди... Только к нему не пробьешься. Нет! Кошмар какой-то. Вам этого, конечно, не понять...

Романов. Почему же? У нас точно такой же случай был под Кенигсбергом. Бункер один немецкий нам взять надлежало. Штурмом. А к нему подходы все заминированы, каждый вершок земли под перекрестным огнем.

Пауза.

Наталья. Взяли?

Романов. Простите. Взяли. Но нам легче было. Артиллерия там разных калибров, авиация помогла. А в вашем деле... Так и не получилось ничего с туфлями?

Наталья. И говорить, подлец, не хочет.

Романов. Обидно. Есть у меня, правда, один сапожник отличный. Манипулятор! Из воздуха туфли скроит.

Наталья. Боже мой, так познакомьте!

Романов. Не в Москве он творит.

Наталья. Далеко?

Романов. Не очень. Каких-нибудь тридцать часов на хорошем поезде. А самолетом и вообще пустяк. Меньше четырех часов я летел.

Н а т а л ь я. Шутник... не полечу же я специально из-за туфель.

Р о м а н о в. Почему из-за туфель? А что если вам вообще из Москвы выехать?

Н а т а л ь я. Вы с ума сошли. Бросить Москву!.. МХАТ, Третьяковскую галерею, Василия Блаженного!

Р о м а н о в. Блаженного, действительно, жалко. А так чего здесь хорошего? Суета. Живете тесно.

Н а т а л ь я. Что за беда! Зато в столице. А у вас там что — особняк?

Р о м а н о в. Нет. Пока я живу в бараке. Хороший, правда, барак, благоустроенный. Колодец рядом. Лес сосновый в пяти минутах ходьбы.

Н а т а л ь я. Хорош! *(Рассмеялась.)* Куда даму приглашает. В барак!

Р о м а н о в. Я говорю — пока. А через год вы будете иметь квартиру не чета этой вашей голубятне.

Н а т а л ь я. Через год у нас и в Москве будет хорошая квартира. Сам Яков Савельевич мужу обещал.

Р о м а н о в. А я не верю.

Н а т а л ь я. Товарищу Беляйкину? О, если бы вы его знали! Он все может.

Романов. Значит, не один аллах всемогущ.

Телефонный звонок.

Наталья (*в трубку*). Алло!.. Папаша, ты?.. Павел? Сейчас. (*Романову.*) Павел Павлович давно ушел?

Романов. Порядочно.

Наталья (*в трубку*). Павел ушел давно. Да, да, с заявлением. Не приходил? Ничего не понимаю. Он мне сегодня утром сказал твердо... Хорошо, папаша. (*Вешает трубку.*) Куда он пропал?.. Слушайте, Василий Иванович, вы давно знаете Павла?

Романов. Почти с первых дней войны.

Наталья. А вам не кажется, что он очень сильно изменился? Стал какой-то пришибленный?

Романов. Как вам сказать? Действительно, на фронте Павел был не такой. Горел человек. Чудеса творил. Уверен я, что ни в одном корпусе саперная служба на такой высоте не была. Ваш муж строитель и энтузиаст этого дела. Гордитесь, Наталья Кузьминична! Вот только зря вы ему разрешаете заниматься всякой ерундой. Ну, какой он метрдотель, подумайте сами!

Наталья. Не метрдотель, а директор ресторана. И вы, пожалуйста, не вмешивай-

тес в это дело. Мне лучше знать, к чему стремится мой муж. И если хотите, чтобы у нас с вами были хорошие отношения, никогда не начинайте такого разговора. Ни со мной, ни с Павлом.

Р о м а н о в. Приказано не начинать разговора.

Н а т а л ь я. Что это значит?

Р о м а н о в. Фронтная привычка. Подчиненный обязан повторить приказание командира. Вам бы, Наталья Кузьминична, полком командовать.

Н а т а л ь я. А что вы думаете? Женщины вам в эту войну показали, на что они способны... Кстати, все забываю спросить, кажется, у вас в части работала одна девушка-связистка, Таня?

Р о м а н о в. Таня?.. Ведь в корпусе девушек-связисток было целое подразделение. Она вам что, родня эта Таня?

Н а т а л ь я. Вроде того. Дальняя. Павел ее очень хвалил.

Р о м а н о в. Таня? Таня... Постойте, постойте. Ну, конечно, была Танечка Болотова. Только мы ее Тусей звали. Чудесная, должен вам сказать, девушка! Можете гордиться такой родней. Павел Павлович ее выдвинул. Самые интересные задания ей поручал.

Н а т а л ь я (смеясь). И она справлялась? Расторопная, значит?

Р о м а н о в. Очень. Я ее даже к нам на строительство перетягиваю. Заведывать почтовым отделением.

Н а т а л ь я. Ах, вот как...

Телефонный звонок.

Вот надоели! (В трубку, раздраженно.) Да!.. До сих пор не приходил? Что? Яков Савельевич недоволен? Какое безобразие!.. Хорошо, папаша, я постараюсь. (Вешает трубку, Романову.) Где Павел Павлович?

Р о м а н о в. Не могу вам точно сказать.

Н а т а л ь я. Он пошел прямо к Якову Савельевичу?

Р о м а н о в. Не уверен. Возможно, зашел еще в одно место. К хорошему знакомому.

Н а т а л ь я. К инженеру Верховскому?

Р о м а н о в. Боюсь вас обмануть, Наталья Кузьминична.

Н а т а л ь я. Все ясно! (Поспешно надевает шляпки.) Сколько этот Верховский мне крови испортил. Мерзавец! Наверняка отговаривать будет... Ничего, сейчас я с ним поговорю. Я никому не позволю семью разваливать. (Поспешно уходит.)

Романов. Серьезная женщина. Бедный инженер Верховский!

Входит Вера, одетая, с портфельчиком.

Вы куда, Верочка?

Вера. Сдавать сопротивление материалов.

Романов. Счастливо!

Вера. На счастье я не надеюсь. Поэтому неплохо подготовилась. Ну, что, не влетело вам еще от Натальи Кузьминичны?

Романов. Мне?

Вера. Влетит.

Романов. Ну, знаете ли! Я ведь за войну хорошую школу прошел. От рядового разведчика до начальника контрразведки корпуса. Верочка, а кто такой инженер Верховский?

Вера. Крупный архитектор. Друг Павла Павловича еще со студенческих лет. Он до сих пор не может простить дяде Павлуше, что тот вуза не окончил.

Романов. Действительно, глупо.

Вера. Ничего не поделаешь — любовь. Вы знаете, какая Наталья Кузьминична была в молодости? Ого! Почтище вашей Лели. Но, очевидно, не умнее. Во всяком случае, не хотела вперед заглянуть, помочь любимому человеку жизнь завоевать. Все своей кра-

сотой заслонила. Обидно как, а?.. Вот почему вы — друг дяди Павлуши — не хотите ему помочь?

Романов. В чем?

Вера. Ведь никогда не поздно талантливому человеку заново жить начать. Хотя — трудно. Уж очень хорошо Павел Павлович любит свою жену. Через двадцать лет его чувство еще моложе стало.

Романов. По-моему, Наталья Кузьминична этого заслуживает. Она очень неглупая женщина. И до сих пор красивее своей дочери.

Вера. Вы, как всегда, правы, Василий Иванович. Нет, серьезно.

Звонок в передней.

До свидания! Очевидно, мы с вами больше не увидимся.

Романов. А вам хотелось бы?

Вера. Не очень. Всего хорошего. (Уходит.)

Одновременно из другой двери появляется Ольга в голубом платье.

Ольга. Любезничаете?

Романов. Лелечка!.. Вы час от часу хо-

рошеете. Но в вашей красоте есть что-то роковое.

Входит Грохотов. Романов и Ольга его не замечают.

Ольга. Специально для вас надела голубое платье.

Романов. Погиб! Нет, я вас должен увезти из Москвы. Здесь вас не ценят.

Грохотов. Очевидно, я некстати?

Ольга Евдоким!..

Романов. Здравствуйте, Евдоким Петрович. Вы ошибаетесь. Основное качество жениха в том, что он всегда кстати.

Грохотов. Странная манера у вас разговаривать, товарищ Романов. Создается впечатление, что вы надо всеми окружающими смеетесь.

Романов. Правильно подмечено. Прямо несчастье. Били меня два раза за эту манеру.

Ольга. Неужели? А мне нравится.

Романов. Спасибо. Правда, со стороны это может быть, и интересно — когда бьют.

Ольга (смеясь). Я не про то. Манера ваша мне нравится. Не люблю хмурых людей. А с вами весело.

Грохотов. Завидная участь—жить тан-

цуя У Беранже есть одна песенка. Про веселого короля. Умная песенка.

Романов. Евдоким Петрович, а вы, очевидно, по-настоящему любите поэзию?

Грохотов. Люблю!

Романов. Чувствуется. Некоторые ваши стихи мне очень понравились. Особенно «Я вернулся, мама!»...

Ольга. Евдоким, одно выражение в стихотворении «Сиреневый вечер» надо заметить. Оно кое-кому режет слух.

Грохотов. Дело вкуса... и понимания.

Ольга. Тем более, что это стихотворение ты посвятил мне.

Грохотов. Какое выражение и кому не понравилось?

Ольга. А вот, помнишь, — «сирень в саду, сирень в глазах, сирень с плечей твоих струится»... Говорят, это безграмотно.

Грохотов (*запальчиво*). Только тупой человек мог сказать тебе такую чушь. Человек, ни бельмеса не понимающий в поэзии!

Ольга (*смущенно*). Ничего подобного! Это сказал человек очень культурный. Он даже за границей был. Пишется не «плечей», а «плеч». «И скатилась с плеч казацких удалая голова».

Грохотов. Мало ли что пишется. Ты

почитай Велемира Хлебникова. Там и не такое найдешь. Поэт не может находиться в плену обыкновенных слов, примелькавшихся выражений. Поэзия — дар, а не синтаксис. И вообще, я утверждаю, что искусству научить нельзя. Художник растет только одному ему присущими путями.

Романов. Смелое утверждение. И пожалуй, верно — талант это прежде всего индивидуальность. Но если все наши поэты начнут склонять «руков, ногон, губей», — вряд ли это обогатит русский язык.

Ольга (смеясь). Местов нет, как говорят кондукторши.

Грохотов. Лелечка, если ты хочешь меня обидеть, скажи прямо. И я уйду.

Романов. Евдоким Петрович, зачем вы так резко. Ни у меня, ни у Ольги Павловны и в мыслях не было вас обидеть. Наоборот, мне доставляет большое удовольствие с вами беседовать. Честное слово. Слушайте, пойдете сегодня вечером куда-нибудь все вместе? Послушаем хорошую музыку. Или в кино?

Грохотов. Сегодня мы с Лелечкой идем на «Сильву».

Ольга. На «Сильву»?

Грохотов. Ты же сама просила. И я достал два билета.

Ольга. Когда я тебя просила? Ах, Евдоким, милый, прости! Совсем забыла. Какой ты заботливый... Только обидно, что сегодня я пойти не могу. Ну, никак. Я обещала папочке и Василию Ивановичу провести вечер с ними. Знаешь что, ты сходи с мамой. Она тоже давно мечтает попасть в оперетту. Места приличные?

Грохотов (*угрюмо*). Седьмой ряд.

Ольга. Вот и хорошо. А то мама не любит сидеть далеко.

Романов. Ольга Павловна, может быть, лучше вам пойти? «Сильва» — прекрасная вещь. Это ведь оттуда — «О, не ищи ты счастья в чистоте небесной»?

Грохотов. Нет. Я пойду с Натальей Кузьминичной.

Ольга. Что за тон? После этого я с тобой принципиально никуда не пойду!

Романов. Ольга Павловна, простите. Кажется, у вас тут на углу есть аптека?

Ольга (*удивленно*). Вы что, заболели?

Романов. Есть легкое недомогание. Очевидно, чисто нервное. Если придет Павел, я через десять минут вернусь. Куплю каких-нибудь капель и вернусь. (*Уходит.*)

Пауза.

Ольга. Ну?

Грохотов. Леля!

Ольга. В чем дело, Евдоким?

Грохотов. Лялечка, пойми!

Ольга. И понимать не хочу. Ты в присутствии постороннего человека позволяешь себе разговаривать со мной тоном телефонной барышни. Что же будет дальше?.. Слепой произвол.

Грохотов. Вот что, Ляля. Мне этот посторонний человек не нравится. Счастливчик, которого судьба вознесла выше, чем он заслуживает. Зародыш сановника. Через год будет таким же, как и этот ваш пресловутый Беляйкин.

Ольга. Молчи!.. Василий Иванович — Герой Советского Союза. Он наш гость. Наконец, он большой друг папы.

Грохотов. Только папы?

Ольга. Ах, вот оно что... Ну, что ж, и мой тоже. Да, да... Василий Иванович мне очень... симпатичен. И он не выдумывает всяких безграмотных слов. Руков, ног, плечев.

Грохотов. Как ты сказала?

Ольга. Не кричи!

Пауза.

Грохотов. Я надеюсь, Ольга Павловна, вы вернете мне мои письма?

Ольга. Ах, так! *(Поспешно уходит.)*

Грохотов. Безумная, больная фантазия. Столько лет заблуждаться. Бежать, бежать...

Ольга *(появляясь с громадной пачкой писем)*. Вот. Все пятьсот девяносто четыре письма. Можете проверить.

Грохотов. Благодарю вас. *(Берет пачку, уходит.)*

Ольга. И вы хотите, чтобы после этого я верила в серьезное чувство?

Поспешно входит Наталья Кузьминична.

Наталья. Отец не приходил?

Ольга. Нет.

Наталья. Ну, вот. Господи, если бы кто-нибудь знал, чего все это мне стоит... *(Ольге.)* Да, а почему Евдоким от нас выскочил, как оглашенный? Опять поссорились?

Ольга. Ты же знаешь характер Евдокима. Кстати, он хотел тебя пригласить на «Сильву». Билеты достал, седьмой ряд, партер.

Наталья. Меня?

Ольга. А я папе и Василию Ивановичу обещала с ними вечер провести.

Наталья. Ольга, смотри! Этот Василий Иванович опасный человек. Не доведет тебя до добра такое поведение.

Ольга. Мамочка!

Наталья. Евдоким тебя любит?

Ольга. Ну, еще бы.

Наталья. А ты знаешь, как нужно ценить настоящую любовь? За мной когда-то больше, чем за тобой, кавалеров ухаживало. Даже один секретарь наркома. А по-настоящему любил только Павел. И я не побоялась выйти замуж за студента, у которого только одна пара штанов была да энциклопедия. И никакой специальности. Сама его на работу устроила, через папу. И видишь — счастлива.

Ольга (*иронически*). Вижу.

Наталья. Молчи! Не смей так разговаривать с матерью! Вот когда проживешь с мужем двадцать лет да вырастишь таких детей, тогда узнаешь, чего это счастье стоит... Боже мой, ну, куда же он делся? А вдруг Павлуша под трамвай попал? Ведь он стал такой рассеянный.

Ольга. Зачем ты, мамочка, такую чепуху говоришь?

Наталья. Уже час... Недаром у меня все эти дни сердце беспокоит. Ольга,

умоляю, позвони в милицию или к Склифасовскому.

Звонок в передней.

Ой, кто это?.. Лелечка, ну, чего ты стоишь?

Ольга. Смешно. Пройти все фронты, а потом попасть под трамвай.

Наталья. Бывают же такие унылые дни. Сапожник отказал, маникюр сделать не успела, а тут еще с Яковом Савельевичем такой скандал получился...

Быстро входит, почти вбегает Кузьма Федорович, за ним входит Романов.

Кузьма Федорович. Где он?

Наталья. Папаша, если бы я сама знала... Я уже боюсь — не попал ли Павлуша под трамвай.

Кузьма Федорович (*Романову*). Вот, полюбуйте на эту канитель. Жена не знает, где муж. Под трамваями ищет. А отец хлопочи, устраивай. Вот плюну на все и живите вы, как хотите.

Романов. Зря вы так волнуетесь. Павел Павлович не ребенок и, очевидно, знает, что делает.

Наталья. Не ребенок? Да он хуже всякого ребенка. Того отшлепал, и он слушает.

Порассказать бы вам! Если бы не я да не папаша, разве бы Павел так жил?

Романов. Нет. Так бы не жил.

Кузьма Федорович. А ведь все думаешь, как лучше. Хороших людей беспокоишь. Машину ведь Яков Савельевич за ним, непутевым, послал. Это как?

Романов. Простите, Кузьма Федорович. Не знаю я, что за персона Яков Савельевич, но знаю, что ваш, как вы выразились, непутевый зять — полковник! Герой Отечественной войны! И вообще человек, заслуживающий полного уважения.

Кузьма Федорович. А где он, уважаемый?

Романов. У маршала.

Кузьма Федорович (*опешив*). То есть, как это — у маршала? Что же, по-вашему, выходит, взял так запросто и зашел к маршалу в гости? Дескать, здравствуйте? Товарищ Беляйкин недавно к одному маршалу на прием попасть хотел и не попал, заметьте.

Романов. А Павел Павлович попал. И коньячку, возможно, с маршалом выпил.

Кузьма Федорович. Ну уж, товарищ Романов, это вы того, круто гаечку за-

вернули, резьба слетит... Это же надо выдумать такую увертюру.

Наталья. Папаша, я теперь ничему не удивляюсь. Скажу одно — все это у меня вот где сидит. А вам, Василий Иванович, стыдно. Не думайте, что я такая наивная. Теперь-то я поняла, что за срочное дело у вас к моему мужу. Кто вас послал.

Романов. Я тоже многое понял, Наталья Кузьминична.

Звонок в передней.

Наталья. Смотрите, чтобы не пришлось раскаяться. *(Уходит.)*

Кузьма Федорович *(вслед, укоризненно)*. Наталья!

Романов. Сильный характер у вашей дочери.

Кузьма Федорович. Кремень. Железкой чиркни — искра выскочит. Павел Павлович не рассказывал вам, как они поженились?

Романов. Нет.

Кузьма Федорович. О-о!.. Вспомнить страшно. Ведь когда-то моя Наташка первой красавицей по всему району была.

Романов. Это и сейчас заметно.

Кузьма Федорович. Ну, и просватал я ее за своего начальника. Николай Никитич Костромин. Он магазином Моссельпрома заведывал, а я при нем в продавцах состоял. Свадьбу затеяли на все Замоскворечье. Поцерковному. Певчих Николай Никитич пригласил из храма Христа-Спасителя. Шампанского четыре корзины. Цветы. Извозчики — двадцать пять упряжек с лентами. Ай-яй-яй...

Романов. Ну, ну?

Кузьма Федорович. Невозможно рассказывать. Собрались, значит, в церкви. Жених, как полагается, при белом бантике, завитой. Видный, одним словом, мужчина. Ждем невесту. Певчие кашляют, сейчас затянут «гряди, голубица». А голубица, не будь дура, как была в подвенечном платье — к студентам махнула. И когда они с Павлом спелись?

Романов. Молодцы!

Кузьма Федорович. А ведь все думаешь, как лучше. Жених, как узнал про эту идею, выхватил из подсвечника четырехфунтовую свечу да на меня. И понеслись мы с ним от клироса к клиросу, как братья Знаменские... Да, проклял я свою дочь в ту пору. Но, сами понимаете — отец. Вижу,

живут в любви, а бедствуют. Лелечка у них родилась...

Входят Скворцов и Наталья Кузьминична.

Наталья. Папаша, Павел до сих пор не был у Якова Савельевича. Он, действительно, был у маршала.

Романов. Коньячку выпили?

Скворцов. Выпили.

Кузьма Федорович. Это хорошо. Это не вредное знакомство. А к Беляйкину мы сейчас на машине прокатимся. Зис сто один голубого цвета.

Скворцов. Я с Яковом Савельевичем разговаривал по телефону.

Кузьма Федорович. Вот умница. Хвалю. Договорились?

Скворцов. Договорились... Наташа, очевидно, мы уезжаем.

Наталья. Куда это?

Скворцов (*указывая на Романова*). К нему. На восстановление района. Начальником всех строительных работ меня назначают.

Романов. Павел, поздравляю! От души поздравляю! И вас, Наталья Кузьминична. Это — громадное достижение. Это будущность!

Н а т а л ь я. Рано поздравляете, товарищ герой. Из Москвы я никогда и никуда не поеду. И Павла не отпущу. Поняли?

К у з ь м а Ф е д о р о в и ч. Как не понять. Ах, характер!

С к в о р ц о в (*твердо*). Наталья, я дал слово маршалу Советского Союза. Слово офицера... Все!

З А Н А В Е С

Действие третье

Та же декорация. В комнате Кузьма Федорович, Елизавета Кузьминична, Наталья Кузьминична. Кузьма Федорович щелкает на счетах, Наталья Кузьминична укладывает в стоящий на столе чемодан белье.

Елизавета. Носков, Наточка, мало положила.

Наталья (*сердито*). Хватит, возьму и еще убавлю. Вот. Пусть кто-нибудь другой о нем заботится. (*Всхлипывает.*) Четыре года! Четыре года мужа ждала. Седая стала в сорок лет. Опять провожаю.

Кузьма Федорович. Перестань, Наталья. Провожать -- не хоронить. Гвоздями забивать не приходится. Сейчас весь народ с места сдвинулся. И ездют и ездют. Видно, по-иному жить хотят.

Елизавета. Что война наделала — а? Совсем мужики от рук отбились... А ты бы, Наточка, припугнула Павла. Раз так, мол, уезжай окончательно! Небошь, побоится семью-то бросить. За это сейчас их по головке не гладят. Андрей Платоныч говорил, что на-днях постановление выходит. Семейное. Как кто на стороне шашни завел — под суд. До десяти лет будто бы давать будут.

Кузьма Федорович. Ну, десять лет — это ты, Лиза, перехватила. А года два припать могут свободно. Без поражения в правах.

Наталья (зло). А все тот интриган наделал. Ух, глаза бы ему выщарапала за его шуточки. Нет, ты подумай, Лиза, — мужа увозит, дочери голову вскружил. Злой дух прямо.

Елизавета. Да, да, да... Я тут лелиного поэта встретила. Одет так прилично: костюм в лиловую полоску, баретки, кепочка, а сам желтый, как тыква, и заикаться начал. Спрашиваю — пишете чего, Евдоким Петрович? А он — пишу, говорит, только не чернилами, а слезами. Во как! Вы меня не слушаете, а я вам верно говорю. Этот ваш чортов Васенька не простой человек. Ты обрати внимание, какие у него глаза. Дикие,

как у кошки. Он тут как-то на меня зыркнул, так у меня даже икота образовалась. Великая сила. Погоди, и тебя обойдет. Москву бросишь и понесешься за ним белым лебедем хоть на самую Камчатку.

Кузьма Федорович. Дура ты, Елизавета, необъяснимая.

Наталья. Понеслась одна такая. Ты думаешь, мало он меня уговаривал? Квартиру обещал из четырех комнат, обстановку, машину трофейную. Это что! Сына Васю хочет из Сталинграда перетянуть туда же на свое строительство.

Елизавета. Ах, бес!

Входит Ольга. Бесцельно проходит к окну.

Кузьма Федорович. Да, ловкий человек товарищ Романов, нечего говорить. Такого не возьмет ни пуля, ни контузия. Ему бы по торговой части пойти. Сорок да сорок рупь сорок. Меня, заметьте, и то с линии сбил.

Наталья. Чего же вы с ними не едете?

Кузьма Федорович. Да ведь все думаешь, как лучше *(Встает, собирает бумаги.)* Эх, и дела у нас в учреждении происходят. Футбол ЦДКА — Динамо. Товарищ Беляйкин так и спит в своем кабинете. Вот

работает человек ожесточенно. Ну, Наташа, Павла твоего мне, видно, не дожидаться. Когда они уезжают?

Наталья. Поезд отходит в два часа.

Кузьма Федорович. Значит, не увидимся, кланяйся им от меня обоим хорошенько. Провожать поедешь?

Наталья. Нет.

Кузьма Федорович. Так, так... Я тебе, Наталья, вот что хочу сказать. (*Указывая на Елизавету.*) Ты... ее ехидных речей не слушай.

Елизавета. Папаша!

Кузьма Федорович. Помолчи! Отец говорит. Тридцать семь лет прожила фефела среди хороших людей, а свою жизнь не наладила. Не лезь и в сестрину. Павел ей муж, а не зуб со свистом — вырвал да бросил. Это сейчас вам свободу дали не по уму, к мужскому делу допустили. А раньше, бывало, как отец дьякон подаст басом «а жена да убоится своего мужа!» — стекла в церкви дрожат, а не то что невеста. Так вот, Наталья, последний раз тебе говорю: будь с Павлом поласковее. Поняла?.. Зачем вот белье неглаженое кладешь, а?

Наталья. И такого не стоит.

Кузьма Федорович. Что?.. Ишь,

ишь, надулась, индюшка. Наживешь беды, попомни мое слово. Ведь не куда-нибудь муж едет, а начальником строительства целого района. Тысячи людей его слова-приказания слушать будут... Э-эх! *(Уходит.)*

Пауза.

Елизавета. И папашу обошел... Гипнотизер, гипнотизер невозможный.

Ольга. Mamочка, ну, неужели они уезжают?

Наталья *(решительно)*. Нет!

Пауза.

Нет!.. Все-таки этому не бывать. За поездом побегу, на рельсы лягу, но мужа не отпущу. Не отдам! *(Начинает выбрасывать на пол белье из чемодана.)*

Ольга *(испуганно)*. Mamочка!

Елизавета. Наточка!.. Стираное белье, что ты делаешь?

Наталья. Не пущу, мой Павел! Не пущу!..

С треском летит на пол чемодан.

Пауза.

(Пошатываясь, идет к креслу, безвольно опускается на него, закрывает лицо руками.)

Звонок в передней.

Ольга (*всхлиывая*). Тетя Лиза!
Елизавета. Иди, открой отцу.

Снова звонок. Ольга уходит.

Наточка, ну возьми себя в руки. Нельзя же так унижаться. Все равно не оценят. Ну, хочешь, я сейчас с Павлом поговорю?

Входит Скворцов. С удивлением оглядывает разбросанные по комнате вещи. Длинная пауза.

Вот, полюбуйся, умник... До чего жену довел. Видно, в гроб загнать хочешь.

Скворцов. Лиза, тебя Леля ждет там... на кухне.

Елизавета. Бессовестный!

Скворцов (*негромко*). Елизавета!

Елизавета. Но, но... Ты не кричи. Если бы не Наточка, ноги бы моей здесь не было. (*Уходя.*) Нечего сказать, дождалась мужа... Страдалица.

Когда Елизавета Кузьминична скрывается в дверях, Скворцов молча начинает собирать разбросанные по полу вещи.

Наталья (*неожиданно спокойно*). Погоди, Павел Павлович, я сама тебе все уложу. (*С усилием встает, поднимает с пола чемодан.*)

Скворцов. Что это значит, Наташа?

Наталья молчит, складывает рубашку.

(С тревогой.) Наташа, что с тобой?.. Почему ты такая бледная?.. Наташенька, погоди... Ну, сядь, давай поговорим по-хорошему.

Наталья. Уже не о чем.

Скворцов. Ты это серьезно?

Наталья. Мне очень трудно было сегодня, вот сейчас, похоронить свою молодость, свою семью, свою любовь к тебе, Павлуша... *(С силой.)* Но я это сделала.

Скворцов. Не говори глупостей.

Наталья. А разве не глупой была вся моя жизнь? Вспомни-ка. Что я видела?.. Зачем я отдала свою красоту, всю свою жизнь тебе и детям? Васи нет. Леля тоже скоро уйдет. А ты... Нет, ни разу за всю жизнь я тебя не упрекнула, не упрекну и сейчас. Не хочу в последние минуты говорить о подлости.

Скворцов. Подлости?.. Да брось ты возиться с этими тряпками!

Наталья. Тебе надо уже ехать, Павлуша. Осталось пятьдесят минут. Носков тебе не мало будет шесть пар?

Скворцов. К чорту носки!

Наталья. Спокойнее, Павел. Уж если я не кричу после того, как ты мне в лицо плюнул...

Скворцов. Нет, это уже слишком... Что ты со мной делаешь, Наташа? За что так?

Наталья. За Танечку Болотову.

Пауза.

Ну, что ты смотришь? Думал, что я не узнаю? Слава богу, хоть краснеть не разучился... Какая гадость! Я тут мучилась все четыре года... Окопы рыть ходила в дождь, в слякоть... Полы в госпиталях мыла. *(Плачет.)* Чехова раненым читала... и «Мертвые души»... Уходи... Уходи сейчас же... Она там тебя уже ждет, на строительстве.

Скворцов. Нет. Так я не могу уйти. Наташа! Кто тебе сказал про Таню?

Наталья. Не было?

Скворцов. Была. И есть. Очень хорошая девушка.

Наталья. Спасибо, что сознаешься. Хотя правду не скроешь. Есть еще хорошие люди. Откроют глаза.

Скворцов. Что же делать, Наташа? Ты понимаешь, легче скрыть истину, чем опро-

вергнуть ложь. Сплетня хуже грязи — она не отмывается. Скажи хоть, кто эти «добрые люди».

Наталья. Ну, а как ты думаешь, кто мог рассказать мне, что Танечка была твоя любимица, что ты ее выдвигал? Как она у тебя в штабе целыми ночами дежурила? Было это?

Скворцов. Погоди, погоди... Неужели...

Наталья. Он.

Скворцов. Не верю!

Наталья. Разве я тебя когда-нибудь обманывала? Ну, хочешь, счастьем своих детей поклянусь... Как ты ошибаешься в людях, Павел! Да ты только посмотри в его циничные глаза. Он и Лелечке жизнь разбил. Тебя тащит и эту Танечку туда же вызывает начальником почтового отделения. Сводник! Ну, что же, Василий Иванович своего добился. Семьи, Павел, у тебя нет!

Скворцов. Есть!

Наталья. Если я говорю нет — значит нет. Неужели ты за двадцать лет не изучил свою бывшую жену?

Скворцов. Не смей так говорить!

Наталья. Не кричи... Я и сама вначале не поверила. Думала, так, простое увлечение. Ну, со всеми бывает. Как-никак че-

тыре года. Я все понимаю, Павел, и вижу тебя насквозь. Вижу, как ты мучаешься. Все-таки, Павлуша, ты меня любил.

Скворцов. А сейчас?

Наталья. Это не любовь. Боже мой! Неужели же прошло и позабылось все? Ведь никогда мне так не хотелось хорошо пожить.

Скворцов. А мне?

Наталья. Поэтому ты и стремишься из Москвы?

Скворцов. Да. Не понимаешь?

Наталья. Понимаю... И не держу. Может быть, с той ты будешь счастливее.

Скворцов *(кричит)*. Замолчи!.. Негодяй, как он мог! Пойми, нет никакой Танечки Болотовой.

Наталья. Ну, знаете ли! Пять минут тому назад сам сознался...

Скворцов. Да. Бесполезно.

Наталья. Я тоже так думаю. Вот. Все тебе собрала... Прощай! *(Пошла к двери.)*

Скворцов. Наташа!

Наталья Кузьминична, не оборачиваясь, уходит в спальню.

(Подходит к чемодану, хочет его запереть, но неожиданно распахивает крышку и снова

начинает расшвыривать по комнате белье.)
К чорту!.. Все к чорту!

В дверях показываются Елизавета Кузьминична и Ольга.

Будьте вы все прокляты! *(Вновь швыряет на пол чемодан и убегает вслед за Натальей Кузьминичной.)*

Елизавета. Ну, слава богу! Все уладилось по-хорошему. *(Начинает собирать разбросанное белье.)* Нет! Вот начни за мной ухаживать хоть сам Андрей Платоныч — глазом не поведу. Не будь этой самой любви — по сто бы лет люди жили.

Ольга. А зачем?.. Ну, зачем до ста лет без любви жить? Со скуки сдохнешь.

Елизавета. Что и говорить — большое веселье. Видела, как мать страдает? А на себя посмотри или на своего Евдокима! Дурью замучились.

Ольга. Бросьте, бросьте, тетенька. Просто на вас никто не обращает внимания, вот вы и шипите.

Елизавета. Ну и глупа же ты!

Ольга. Зато красива. Вот Вера умна, а что толку? В сорок лет такая же мымра будет.

Елизавета. Это кто — мымра?

Ольга. Знаю я вас, благочестивых. Только бы поманил какой-нибудь, как автобус понесетесь. *(Смотрится в зеркало.)* Вот бы мне Кармен сыграть. *(Поет.)* «Любовь свободна. Мир чаруя, она законов всех сильнее...»

Звонок в передней.

Елизавета. Ох, и нарвешься ты, перепелка, на ястреба.

Ольга *(уходя)*. «Меня не любишь, но люблю я... Так берегись любви моей!» *(Уходит.)*

Елизавета. Эта почище Натальи будет.

Телефонный звонок.

(Поднимает трубку.) Алло! Павла Павловича? *(После паузы, изменив голос.)* А вы не туда попали, гражданин... Автомат плохо работает? Ах, какая жалость! Опустите еще гривенник. *(Кладет трубку, смеется.)* Хоть три рубля опусти, не дозвонишься. *(Садится около телефона.)*

Входят Ольга и Вера.

Вера. Что я вижу!.. Дядя Павлуша еще не уехал?

Ольга. И не поедет.

В е р а. Почему?

О л ь г а. Раздумал. Климат там неподходящий. Подумаешь, счастье — в бараке жить. Верно, тетя Лиза?

Елизавета молчит.

В е р а. Ничего не понимаю. Хотя... все понятно. Повторение пройденного.

Телефонный звонок.

Е л и з а в е т а (*снимает трубку*). Госцирк!.. Что? Нет, я вас не обманываю. Директора? Его нет. Вышел по своей надобности. Попробуйте позвонить в конюшню... Что? Сам дурак! (*Кладет трубку.*)

В е р а (*удивленно*). Елизавета Кузьминична! Что это вы — развлекаетесь?

Е л и з а в е т а. Осел некрасивый! Еще ругается. Попробуй, позвони еще раз.

Телефонный звонок. Леля хочет снять трубку, но Елизавета ее опережает.

Гражданин, вы не туда попали... Ох, напугал! Видали мы таких... Что? Ну, ну, я слушаю... Уезжаете? И слава богу, скатертью вам дорога, путь колесом. (*Кладет трубку.*)

О л ь г а. Тетя Лиза, это звонил Василий Иванович?

Елизавета. Он, он, голубчик! (*Смеется.*) Три гривенника сунул, как в помойное ведро. Вот бы посмотреть на его физиономию.

Ольга. Что вы наделали!

Елизавета. Не учи. Сама благодарить будешь. Жалко, что больше не увидимся. Я бы его отчитала. Я бы ему показала, как в чужую жизнь лезть. (*Уходит.*)

Ольга. Какая дура!

Вера. Она тебе тетя.

Ольга. Нет, это ужасно. Ведь он специально из-за меня звонил. Мы с ним условились. Ну, что теперь делать, Вера?

Вера. Поезжай на вокзал.

Ольга. Поздно. Вот сейчас поезд отходит. Как глупо. Ведь Василий Иванович и папу с собой тянет только для того, чтобы я приехала. (*Смеется.*) Глупый. Когда мы с ним танцевали в «Метрополе», все на нас смотрели. В нем есть что-то хищное. Правда, Вера?

Вера. Не знаю. Ведь я с Василием Ивановичем не танцевала. Но человек он, безусловно, интересный и, конечно, им можно увлечься. Непонятно только, почему он так держится. Эта вечная усмешка, излишняя са-

моуверенность. По-моему, не очень это искренно. Ведь он курносый!

Ольга. Верочка, что я слышу!.. Когда это ты успела так... изучить человека?

Вера. Я и сама не знаю. В сущности, мы с Василием Ивановичем даже серьезно не поговорили. Ведь он все время был с тобой.

Ольга. Вот как!.. «В голосе молодой графини зазвучали нотки горечи». Верка, а ведь ты ревнуешь! Что, неправда? Ну, Верочка, признайся хоть раз! Ты же ведь не тетя Лиза.

Вера. А ты думаешь, Елизавета Кузьминична никогда не любила? Лелечка, какое право я имею ревновать? Подумай сама!

Ольга. Верка, милая, как я тебя понимаю. Ты чудная! *(Обнимает Веру.)* Какие дураки мужчины. Вот будь я на месте Василия Ивановича, я бы приударила за тобой. Честное слово.

Вера. Лелечка!

Ольга. Какая прелесть!.. Ты напрасно вбиваешь себе в голову, что не можешь нравиться. У тебя замечательные волосы, зубы, фигурка... Молчи, уж я-то понимаю толк в этих мелочах. Только ты совсем не следишь за собой. Посмотри на маму. Она нам сто очков вперед даст.

В е р а. Лелечка, милая, ты права. По-своему... Мне, например, очень хочется хорошо одеться. И я буду одеваться. И губы, может быть, красить. И прическу какую-нибудь себе придумаю. (*Смотрится в зеркало.*) Как думаешь, пойдет мне такая прическа, как у Натальи Кузьминичны?

О л ь г а (*авторитетно*). Нет. Тебе надо такую, как я видела у одной чудачки в Столешниковом. Представляешь себе, спереди... А ну, пойдём.

В е р а. Куда?

О л ь г а. Пойдем, пойдём. Сейчас я тебе покажу, какая ты можешь быть. Чего, чего, а художественный вкус у меня имеется. (*Берет Веру за руку, ведет за собой.*) А потом я втяну тебя в нашу компанию, вот увидишь, какой у тебя будет успех.

О л ь г а и В е р а уходят. Телефонный звонок. Из другой двери выскакивает Елизавета Кузьминична, мчится к телефону, берет трубку.

Е л и з а в е т а (*в трубку*). Крематорий! Что?.. Ах, это вы, папаша? Простите, я пошутила... Что? Я больше не буду, папаша... Сию минуточку... Ната! Наточка!

Н а т а л ь я (*появляясь в дверях*). Он?

Е л и з а в е т а. Какой там он! Папаша,

как на грех. Сердитый. Ну, что ты скажешь, а?

Н а т а л ь я *(в трубку)*. Папаша, я вас слушаю... Нет, Павлуша не уехал и не уедет. Он очень обиделся на Василия Ивановича. Представь себе, тот оказался таким негодяем. Просто поразительно. Пустил про Павла грязную сплетню. Да, да. Павлуше было плохо. Я уж ему валерьянки дала. А?.. Ничего, немного успокоился.. Ну, папаша, я уж не знаю, как быть еще ласковей. Что? С Яковом Савельевичем?.. Поговори, пожалуйста. *(Вполголоса.)* Скажи, Павел Павлович очень извиняется, что так получилось... Целую тебя, мой родной. *(Кладет трубку. Елизавете.)* Лиза, что это папаша так на тебя обиделся?

Е л и з а в е т а. Понятия не имею.

Н а т а л ь я. Скажи, говорит, этой большой дуре, что я ее из окна без парашюта пушу. *(Смеется.)* Чудаковатый он у нас старичок.

Е л и з а в е т а. Да, чудаковатый... Один изругал. Другой из окна норовит выкинуть. Лелька тоже не знаю чего окрысилась... Нет, чтобы я еще когда-нибудь людям помогать стала — не дождетесь.

Н а т а л ь я. Бедный Павлуша. Эх, Лизочка, если бы ты знала! Сегодняшний день

отнял у меня год жизни. А ведь их так мало осталось. *(Поправляет перед зеркалом прическу.)* Боже мой, сколько седых волос!

Елизавета. Лысая будешь, а не то что седая. С таким мужем!

Наталья. Ты Павла не трогай!.. Уж я ли не гордая, а на колени перед ним стала...

Звонок в передней.

Кто бы ни пришел — нас нет дома. Поняла?
(Уходит.)

Елизавета. На колени стала. Эх, ты, мягкая душа. *(Идет в переднюю.)*

Пауза. Голос Елизаветы Кузьминичны из-за кулис: «Никого нет дома. Не пушу!.. Пойдите, куда вы? Я же вам толком говорю, что никого нет дома!» Входит Романов. Его тщетно пытается задержать Елизавета Кузьминична.

Василий Иванович, это даже бестактно с вашей стороны. А еще Герой Советского Союза.

Романов. Госцирк?

Елизавета. Что госцирк?

Романов. Вы оказались женщиной с юмором. Тупые люди, разыгрывая по телефону, обычно говорят: крематорий, или морг, максимум — родильный дом. А госцирк — это свежее и, я бы сказал, ближе к истине.

Елизавета. Чего вы на меня так уставились? Я женщина впечатлительная. И вообще с вами по телефону не разговаривала.

Романов. Ну, что же, поговорим лично. Разрешите присесть?

Елизавета. Никого дома нет.

Романов. А вы?

Елизавета. И я сейчас ухожу. В милицию. У меня там начальник знакомый. Капитан Мэргун.

Романов. Не боюсь. На поезд я все равно опоздал, так что спешить мне некуда. Подожду. Кстати газетку прочитаю.

Елизавета. Дождетесь!

Романов. Дождусь, я терпеливый. *(Разворачивает газету.)* Что вы скажете, Елизавета Кузьминична, о послевоенном устройстве Европы? Канительное дело, не правда ли? Одни действительно хотят прочного мира на земле, другим это не нравится.

Елизавета. Что там говорить про Европу! Тут одна семья и то от войны никак не успокоится. В аккурат, как вы сказали — одни хотят мира да спокойствия, а другим это, видно, мешает. Своего-то нет, вот и лезут в чужую жизнь.

Романов. Так сказать, нарушают принцип невмешательства. А напрасно вы меня

так. Может быть, никто так хорошо не относится к семье Павла Павловича, как я.

Елизавета. Спасибо.

Романов. Ну, ладно. Чувствую, что вашими устами говорит общественность всей семьи. Вы полномочный представитель. Гордитесь. *(Встает.)* Передайте Павлу Павловичу, что мы с ним летим завтра в семь утра на самолете.

Елизавета. Передам. Значит, в семь утра завтра?

Романов. Не верю. Пожалуй, придется зайти еще раз попозже.

Елизавета. Все равно дома никого не будет.

Романов. Елизавета Кузьминична, дорогая! Уж если мы Берлин взяли, то... вы сами понимаете. Не скрою — это труднее, но ведь мы кое-чему за войну научились. Мне, например, часто приходилось отступать, но не надолго. Поняли вы меня?

Елизавета молчит.

До скорого свидания! *(Идет к двери.)*

В это время из других дверей появляется Ольга.

Ольга. Василий Иванович!

Романов. Здравствуйте, Ольга Павловна. Как я рад вас видеть.

Ольга. Я тоже. Мне с вами нужно серьезно поговорить.

Елизавета. Леля! Василий Иванович зайдет попозже. А сейчас ему некогда. Поняла?

Ольга (*Романову*). Вы спешите?

Романов. Нет. Как говорят в Одессе — меня спешит Елизавета Кузьминична.

Ольга. И опять вы, тетя Лиза, суетесь не в свое дело.

Елизавета. Ну, погоди! (*Уходит.*)

Ольга. Как хорошо, что вы пришли, Василий Иванович. Где мы с вами увидимся?

Романов. Лелечка, прежде всего я бы хотел поговорить с вашим папой.

Ольга. Совсем не обязательно. Тем более, папа сейчас себя очень плохо чувствует. Вы уже, конечно, слышали, что он никуда не едет?

Романов. Так... Понеся незначительные потери, полк вернулся на исходные позиции...

Ольга. Что это значит?

Романов. Боевое донесение. Лелечка, хотите, чтобы я был вам другом на всю жизнь?

Ольга. В дружбу между мужчиной и женщиной я не верю. И вы тоже. Конечно, если им не по семьдесят лет.

Романов. Мне плакать хочется. Честное слово.

Ольга. Бедненький... Пожалеть вас?

Романов. Лелечка!.. Я на колени перед вами стану. Все, все, что хотите, для вас сделаю. *(Берет Ольгу за руку.)* Позовите хоть на минутку папу.

Ольга. Ну, хорошо... Вася! *(Уходит.)*

Входит Вера. Она в голубом платье Ольги, с модной прической.

Романов. Верочка!.. Нет, это не вы... Я отказываюсь верить своим глазам!

Вера *(смеясь)*. Хороша канашка?.. погодите, я еще губы начну красить.

Романов. Лишнее. Я бы на вашем месте и прическу такую не делал. Не ваш стиль.

Вера. Мой стиль — ходить растрепанной?

Романов. Неверно поняли. Растрепан — это отсутствие стиля. А вообще, Верочка, очень хорошо, что вы, наконец, почувствовали себя девушкой.

Вера. Почему вы такой взволнованный?

Романов. Заметно?

Вера. Еще бы. Не ваш стиль. Но... так лучше. Вам не очень идет эта шляпа, пальто с геометрическими плечами и ваша манера обращаться с людьми. Нехорошо, когда товарищ уверен, что он лучше всех. Так не бывает.

Романов. Мне нечего возразить. Сегодня судьба хлещет меня ремнем, как заботливая мамаша напроказившего сынка. Пожалейте хоть вы меня, Верочка.

Входят Скворцов, Наталья Кузьминична и Ольга. Одновременно из другой двери показывается Елизавета Кузьминична.

Скворцов. Что вам угодно, товарищ Романов?

Пауза.

Романов. Вот этого я не ожидал... Помоему, честнее подойти и ударить. Если есть за что. Так я понимаю жизнь, товарищ полковник?

Скворцов. Все?

Романов. Повидимому. К сожалению, я не знаю, что произошло. Но догадываюсь... С нечестными людьми не стоит даже играть в свои козыри.

Скворцов. Выразайтесь точнее. Кого вы считаете нечестным человеком?

Наталья. Павел...

Скворцов. Погоди... Ну?

Романов. Только не вас, товарищ полковник.

Наталья. Ах, очевидно, меня?

Пауза.

Скворцов. Вам проще всего взглянуть в зеркало, товарищ Романов.

Романов. Что такое?

Скворцов (*горячо*). Ты пришел ко мне в дом, как гость, как друг и принес грязную сплетню. Что может быть подлее этого?

Романов (*весело*). Вот это уже конкретный и человеческий разговор. Еще немного, и мы все выясним.

Наталья. Павел... Не надо. Здесь твоя дочь.

Скворцов. Ольга и ты, Вера... идите в свою комнату.

Девушки поспешно уходят.

Наталья. Павел, я не хочу этого разговора. Мне противно. Неужели ты не понимаешь? Я лично была даже благодарна

Василию Ивановичу за то, что он помог мне установить истину.

Скворцов. Что? Клевету ты называешь истиной? (Романову.) А ну, расскажи еще раз про то, как я жил с Таней Болотовой...

В комнате появляется Кузьма Федорович. В удивлении застывает около дверей, рядом с Елизаветой.

Молчишь. Трус!

Романов. Я не трус, Павел. Я дурак. Но это тоже не достижение. Наталья Кузьминична, что я вам говорил о Тане? Ну, посмотрите мне в глаза и повторите.

Елизавета. Обойдет. Сейчас гипноз даст.

Наталья. Ну, хорошо. Разве вы не говорили, что эта самая связистка Танечка была любимицей моего мужа?

Романов. Говорил. И сейчас могу повторить. При нем.

Наталья. Что он взял ее к себе в штаб?

Романов. Тоже правильно.

Наталья. Что он поручал ей самые ответственные задания?.. И вообще...

Романов. Только не виляйте. Что — вообще?

Наталья. Разве этого мало?

Скворцов. Ничего не понимаю. А почему у вас зашел такой разговор?

Романов. Одну минуточку. Наталья Кузьминична, а разве не вы первая спросили меня о Тане?

Наталья. Какое это имеет значение?

Романов. Очень большое. Ведь вы же мне сказали, что Танечка ваша дальняя родственница.

Наталья. Оставим этот разговор.

Романов. Охотно. Я только хотел доказать тебе, Павел, что какая-то мразь занесла к вам в дом эту сплетню значительно раньше, чем появился я.

Скворцов. Наталья, это так?

Пауза.

Хорошо. Ты прости меня, Вася. Мне и самому было очень тяжело разочароваться в своем лучшем друге.

Наталья. Ну, еще бы. Друг тебе дороже жены. Какая же я была до сих пор дура! Теперь-то я все понимаю. Я нужна была тебе вот как эта моя квартира, как удобная жизнь. Да, да,—ведь это я тебя вывела в люди. Забыл?

Скворцов (глухо). Уйди!

Наталья. Что такое?

Скворцов (*кричит*). Вон отсюда!

Пауза. Наталья Кузьминична поворачивается
и идет в спальню.

Кузьма Федорович. Пойдем, Елизавета... Фронтоники! От них очень просто и по шее схватишь.

Уходят.

Скворцов. Что же это такое... Вася?!

Романов. Ничего страшного, Павлуша. Чаще всего именно с этого и начинается семейное счастье.

З А Н А В Е С

Действие четвертое

Та же декорация. На сцене Ольга и Грохотов.

Грохотов (декламирует).

Мне бы только смотреть на тебя,

Видеть глаз златокарий омут,

И чтоб, прошлое не любя,

Не могла ты уйти к другому.

Поступь нежная. Легкий стан.

Если б знала ты сердцем упорным,

Как умеет любить хулиган,

Как умеет он быть покорным!

Я б навеки забыл кабаки

И стихи бы писать забросил,

Только б тонко касаться руки

И волос твоих цветом в осень.

Я б навеки ушел за тобой,

Хоть в свои, хоть в чужие дали.

В первый раз я запел про любовь,

В первый раз отрекаюсь скан-
далить.

Пауза.

Ольга. Евдоким, милый! Как хорошо! Я хочу, чтобы это стихотворение ты посвятил мне.

Грохотов. Это не мое стихотворение. Это — Есенин.

Ольга. А-а... Ну, ничего. Ты напишешь мне такое же. Хорошо?

Грохотов. Такое не смогу. Есенин был единственным. Но я напишу тебе свои стихи. Вот сейчас, после всех перенесенных страданий, я чувствую, что стал как-то светлее, глубже. Ольга, жизнь раскрывает нам свои тайники, полные хрустальных образов. Но только поэт их видит. Я не спал много ночей. И вдруг в первый раз услышал, как очень ранним утром, когда солнце золотит только крыши, в Москве, на Театральной площади, громко и озабоченно чирикают воробы.

Ольга. Воробушки! Какая прелесть!

Грохотов. Я понял, что мы не имеем права отрываться от природы. Поднимись над Москвой, и ты услышишь, как упругий ветер несет откуда-то издалека, с моря ли, с вершин ли гор, ненапетые еще песни... Лялечка, поедем на Волгу.

Ольга. Поедем.

Грохотов. Или, еще лучше, на какую-

нибудь маленькую струистую речушку со смешным названием — Мокруша, или что-нибудь в этом роде. Уверяю, что это обогатит тебя, как актрису.

О л ь г а (*уныло*). Не поможет. Для театра нужна не маленькая речушка, а большие знакомства. Нет, ты не понимаешь меня, Евдоким. Сколько страданий перенесли все великие артистки, прежде чем сделали карьеру.

Г р о х о т о в. Пошное слово — карьера. Нужно, Лялочка, добиваться счастья. А для этого совершенно необязательно быть актрисой.

О л ь г а. Погоди, а мамочка? Разве она не добивалась счастья всю свою жизнь? И что получилось — ты же видишь. А все потому, что она не сделала себе карьеры, а жила только папой.

Входят Наталья Кузьминична и Елизавета Кузьминична.

Мамочка, а мы только что о тебе говорили... Поздравь нас, мы с Евдокимом помирились на всю жизнь... и уезжаем на Мокрушу.

Е л и з а в е т а. Это что еще за Мокруша?

Ольга. Такая чудненькая маленькая речка. Евдоким будет там писать стихи, а я... Еще не знаю, что я буду делать. Но это меня обогатит.

Наталья. И вы уезжаете?

Ольга. Мамочка, не надолго. Евдоким говорит, что человек не должен отрываться от природы. Представь себе, он слушал утром на Театральной площади воробьев и очень многое понял.

Грохотов. Наталья Кузьминична, давайте сегодня повеселимся. Сейчас я схожу, куплю вина, закусок. Устроим маленькое семейное торжество. Что, в самом деле!

Наталья. Зачем это, Евдоким?

Елизавета. Наточка, раз молодой человек хочет угостить дам — не надо препятствовать ему в благородном поступке. А то мы с тобой совсем закисли. Идите, Евдоким Петрович. Если хотите меня уважить — купите шпроты.

Грохотов. Прекрасная идея. А вам чего хочется, Наталья Кузьминична?

Наталья. Мне все безразлично. Лучше вместо шпрот возьмите двести грамм паюсной икры. Как я рада, что хоть вы счастливы. Ведь я все время ругала Лелечку за вас.

Ольга. Мамочка, я дала Евдокиму слово, что буду ему верной художественной подружкой.

Елизавета. И всегда ты что-нибудь выдумаешь.

Ольга (*Грохотову*). Дуся, хочешь, я пойду с тобой вместе за шпротами?

Грохотов. Пойдем, Лялечка.

Ольга и Грохотов уходят.

Елизавета. Сердце радуется. Накрою пока на стол. (*Наталье.*) Так что тебе пишет сынок?

Наталья. Не спрашивай, Лиза. Этот противный мальчик смеет меня учить. Вот послушай. (*Берет сумку. Вздыхает.*) Ну, что мне делать,— как вижу эту сумку, так вспоминаю Павла. Его последний подарок. (*Достает из сумки письмо. Сначала невнятно бормочет, пробегая строчки, затем читает.*) «Ты, мамуля, всю жизнь просидела на Собачьей площадке и поэтому не можешь оценить по достоинству поступка папы»... Как тебе это нравится?

Елизавета. Что ж ты хочешь, сын всегда за отца. Скворцовская кровь.

Наталья. Слушай дальше... «Мы здесь

жили сначала в землянках, потом переехали в барак, но скоро будем жить так, как тебе никогда не снилось»... А?

Елизавета. С кем поведешься, от того и наберешься. Мальчик слишком рано оторвался от семьи. А Павел так ничего и не пишет?

Наталья. За все три месяца ни одного письма. Я понимаю, он хочет, чтобы я первая написала, но не дожидается... Это могло быть в девятнадцать лет.

Елизавета. Ната, нельзя так расстраиваться. Я, например, отлично знаю, что после моей телеграммы он задумается.

Наталья. Зря ты ее отправила.

Елизавета. Опять я виновата. Мы же с тобой советовались.

Наталья. Все это шито белыми нитками. А вообще, Лизочка, я сейчас совсем потеряла голову. Глупая стала, как курица в грозу. Все-таки надо мне съездить.

Елизавета. Куда?

Наталья. К ним. Не надолго. Только взглянуть.

Елизавета. Вон как! Ну, что ж, смотри. Не мне с Павлом жить... Вот этим они и пользуются — слабостью нашей. Поезжай, поезжай. Там-то тебя и обкрутят.

Н а т а л ь я. Эх, Лизочка! Меня уж обкрутили двадцать лет тому назад. Не кто-нибудь — сама себя обкрутила. И не раскаиваюсь. Лучше со слезами жить, чем так вот, как ты, топтаться по жизни.

Звонок в передней.

Лизочка, идут. Открой.

Е л и з а в е т а. Нехорошо, Ната. Может быть, я больше тебя слез растеряла. Ты у дочери своей поучись обращению. Даром, что молодая, а как своего поэта держит! Близо не подпускает и отойти не дает. *(Уходит.)*

Н а т а л ь я. Ну, что же делать? В первый раз Павел не по-моему сделал, а где она — обида?

Входят Романов и Елизавета Кузьминична.

Р о м а н о в. Здравствуйте, Наталья Кузьминична.

Н а т а л ь я. Вы?

Р о м а н о в. Я... Прогоните?

Н а т а л ь я *(сдерживая волнение)*. Стоило бы... Хотя теперь уже поздно.

Р о м а н о в. Лучше поругайте.

Н а т а л ь я. Вы приехали в Москву один... то есть — зачем?

Р о м а н о в. Жениться.

Н а т а л ь я. Василий Иванович, вы когда-нибудь можете поговорить серьезно?

Р о м а н о в. И сейчас не шучу. Разве я не похож на жениха? Вы только посмотрите повнимательнее на мое одухотворенное лицо. Павел говорит, что я смахиваю на чеховского телеграфиста. И потом... надоело все время устраивать чужое счастье. Попробую схватить свое. Влюбился, тем более, в тот приезд. Ну, что вы на меня так смотрите, Наталья Кузьминична? Честное слово! Вот только не знаю, пойдет ли за меня любимая девушка.

Е л и з а в е т а. Ваша девушка давно уже любит другого. Очень приличный молодой человек.

Н а т а л ь я. Лиза, пойдй на кухню, поставь чайник.

Е л и з а в е т а *(с обидой)*. Пожалуйста! *(Уходит.)*

Р о м а н о в. Шероховатая женщина ваша сестрица.

Н а т а л ь я. Внешне. Лиза глубоко несчастна. В молодости ее обманули три человека. Это не забывается. А сейчас она живет

только нашей семьей. И это единственный человек, на которого я могу положиться в любом деле. Лиза мне очень помогает.

Романов (смеясь). Помощь бывает разная.

Наталья. По-моему, ничего смешного здесь нет.

Романов. Простите. Невольно вспомнил одного своего знакомого. Хороший тоже парень, вроде вашей сестрички. Но жизнь у него также долго не клеилась. Понимаете, он вообразил себя писателем. Писал-писал, писал-писал. Написал художественных произведений, наверное, кило четыре. Вот такую стопу бумаги. Но в печать не пошло ни одного грамма. Ну и приуныл товарищ, поругиваться стал. И что же вы думаете — встречаю его недавно, очень хорошо выглядит. На лице безмятежный покой и сознание собственного достоинства. Сразу видно, что человек достиг. Оказывается, работает консультантом по художественной литературе. Других наставляет. Есть очень меткое замечание, кажется, у Чехова: «Умный любит учиться, а дурак — учить».

Наталья. Хорошие слова. Только... зот вы сами себе не кажетесь... консультантом? Я, например, твердо уверена, что не без ва-

ших дружеских советов Павел бросил семью... Да, да. Не будь вас, он никогда не оставил бы Москвы. Ведь Скворцовы — коренные москвичи!

Романов. Я тоже коренной москвич. Двадцать семь лет прожил на Плющихе. Недавно выступал в школе, где учился, и даже целый урок географии просидел на своей парте с какой-то белобрысенькой девочкой. Трогательно, ей-богу. Но только, Наталья Кузьминична, вам не кажется, что для того, чтобы быть Москвичом с большой буквы, во все не обязательно просидеть всю жизнь неотрывно вот здесь, на Собачьей площадке, или в каком-нибудь Николо-Кривоколенном переулке? Москва не просто город, а москвич — это не пометка на паспорте. Вы меня понимаете?

Наталья. Нет. Где уж нам, москвичам с маленькой буквы.

Романов. Не прибедняйтесь. Вы награждены медалью «За оборону Москвы». Вдумайтесь, почему люди, без памяти любящие Москву, сейчас восстанавливают Днепр-прогэс, Запорожье, Смоленск? Почему московские архитекторы работают сейчас в Киеве, в Новгороде? Почему уехали из этой милой квартирки ваш муж, ваш сын?

Наталья. Не уговорите.

Романов. И не собираюсь. Ведь Павел Павлович показал мне телеграмму вашей глубоко несчастной сестрички. Я вас не поздравляю, Наталья Кузьминична.

Наталья *(смутившись)*. Да... Может быть, это была ошибка... Скажите, а Павел... очень расстроился?

Романов. Нет. К счастью, это получилось взаимно.

Наталья. Взаимно?.. Что это значит?

Романов. А он тоже, как и вы... увлекся. Но, я бы сказал, держал себя очень прилично. До этой телеграммы. А это развязало руки. Кстати пришлось.

Наталья. Неужели Павел...

Романов. Более или менее.

Наталья. Мерзавец!.. Я так и чувствовала. Так вот он почему ничего не писал. Трус!

Романов. Да. Женщины в этом отношении решительнее. Увлеклась и сразу сообщила.

Входят Ольга, Грохотов со свертками и Елизавета Кузьминична с тарелками.

Ольга. Кого я вижу!.. Василий Иванович!

Романов. Здравствуйте, Ольга Павловна. Как всегда, рад вас видеть вполне цветущей.

Ольга. Как вы похудели! Когда приехали в Москву? Вы же, по-моему, не собирались?

Елизавета. Жениться они приехали. Некстати... Евдоким Петрович, разрешите, я вам помогу. Что это такое у вас подмокло?

Грохотов. Капуста провансаль. Лялечка любит.

Романов. У Ольги Павловны определенно хороший вкус.

Наталья. Лиза, пойдем. Мне нужно с тобой серьезно поговорить. Лелечка, ты тут займись гостями.

Ольга. Мамочка, я же еще не одета.

Наталья. Пойдем, Лиза.

Наталья Кузьминична и Елизавета Кузьминична уходят.

Ольга. Вы извините меня, Василий Иванович, я вас на минутку оставлю. Очень, очень мило с вашей стороны, что вы не забываете старых друзей. Евдоким, ты пока накрой на стол. Рюмки, ножи и вилки в

буфете. (Уходит, напевая: «Выпьем мы рюмку водки за веселье...»)

Пауза.

Романов. Евдоким Петрович, разрешите вам помочь.

Грохотов. Спасибо. Повидимому, вы здесь самый дорогой гость.

Романов. Вряд ли. Во всяком случае, вам лично очень хочется спустить этого дорогого гостя с лестницы. Нет, в самом деле. Я ведь сам влюблен и понимаю ваше состояние. Тем не менее я помогу вам хозяйничать. (Идет к буфету.) Кстати, в предчувствии назревающих событий, я тоже кое-что с собой захватил. Вот мы сейчас и разберемся. Можете вы выслушать меня серьезно?

Грохотов. Трудно слушать серьезно несерьезные слова.

Романов. А вы попробуйте. И вас и меня судьба связала с семьей Павла Павловича. И благодаря ее прихоти мы с вами, я бы сказал, не совсем чужие люди.

Грохотов. Спасибо.

Романов. Не стоит. Поверьте, я отнюдь не хочу вас обидеть и не навязываюсь вам в дяди. Ответьте мне только на один вопрос.

Прямо, по-мужски. Вы очень любите эту птичку?

Грохотов. Как вы сказали?

Романов. Очень ласково — птичку.

Грохотов (*повышая голос*). Товарищ Романов! Для шуток есть граница. Я прошу вас в моем присутствии быть осторожнее в выражениях!

В дверях появляется Ольга. Романов и Грохотов ее не замечают.

Романов. Значит, любите. Трудное положение. Для вас.

Грохотов. Вы хотели мужского разговора — пожалуйста. Да, я люблю Ольгу. Люблю. Пусть это мое несчастье, но это так. И слушайте, вы, новоявленный Онегин, Ольга будет моей или... Вашей она никогда не будет.

Ольга (*возмущенно*). Какая самоуверенность!.. Вот возьму и назло полюблю Василия Ивановича!

Пауза.

Грохотов. Семь лет длится эта пытка... Ведь я все понимаю. Все вижу... Ну, почему же я такой слепой! (*Поворачивается и быстро уходит, почти убегает.*)

Ольга. Евдоким!.. Ах, они обиделись. Нет, как вам это нравится?

Романов. Совсем не нравится.

Ольга. Мальчик хочет распоряжаться мною так, как будто я его кукла.

Романов. Очень нехорошо. Вообще мальчику не годится играть с куклами. И я бы на месте Евдокима Петровича поступил не так.

Ольга. Бросьте. Все вы, мужчины, одинаковые. Ужасные эгоисты и собственники.

Романов. Суждение мудрое, но сомнительной свежести. Заимствовано из изящной литературы. Но я к нему присоединяюсь. Это, Лелечка, горькая истина. Действительно, раз я люблю девушку, я хочу, чтобы она принадлежала только мне. Типично собственническая тенденция, не так ли? И хочу, чтобы моя избранница любила только меня!.. Только меня — вдумайтесь, разве это не законченный эгоизм?

Ольга. Вот вы какой!

Романов. Ольга Павловна, ради бога, не возводите это в необычность. Это не порок и не добродетель. Это... обязательное постановление. Мне горько, что ваш Евдоким Петрович на меня обиделся. Я гораздо стар-

ше его и больше понимаю. А главное — уверен, что мы с ним единомышленники.

Ольга (смеясь). Оказывается, не всегда единство стремлений приводит к дружбе... Ну, хватит философии. Вы надолго?

Романов. Не знаю. Честное слово. Решается настолько серьезная для меня вещь, что даже мое высокое начальство — оно же ваш папа — пошло мне навстречу. Я приехал раз и навсегда устроить свою личную жизнь.

Ольга. Сильно сказано... Между прочим, я сердита на папу.

Романов. Нельзя говорить об отце «между прочим».

Ольга. Не придирайтесь к словам. Вот о вашей личной жизни папа заботится. А мама? Знаете, как она переживает его отъезд? Бедная! Я смотрю на нее и думаю: уж лучше никогда не выходить замуж.

Романов. А еще лучше — замуж выйти, но не мешать, а помогать мужу в его благородных стремлениях.

Ольга. Тоже из изящной литературы?.. Бросьте. Красивые слова. Знаем мы эти «благородные стремления».

Романов. Лелечка! Как вы, восемнадцатилетняя девушка, можете так говорить?

Ведь ваша жизнь только начинается. Нет, я просто не могу и не хочу слышать от вас такие унылые, пошлые изречения. Вам надо почитать Тургенева. Вот где идеал русской девушки!

Ольга. Тургенева мы проходили еще в шестом классе. Старо. Вы рассуждаете точь-в-точь, как Вера.

Романов. Вера?

Ольга. Удивились?

Романов. Нет... Обрадовался! Вы даже не представляете, как мне хочется, чтобы Вера была именно такая. Девушка с чистыми и благородными стремлениями. Хотя иной она и не могла быть. Ведь существует же на свете справедливость.

Ольга. Василий Иванович! Не может этого быть. Не верю. Вам серьезно нравится Вера?

Романов. Что там — нравится!..

Ольга. Вера!

Романов (*испуганно*). Лелечка, что вы делаете?

Ольга. Вера, скорее!

Романов. Лелечка, пощадите! Я больше не буду.

Входит Вера. Задерживается у дверей.

В е р а. Леля, ты...

О л ь г а. Чудненькая пара. Прямо — дворянское гнездо. Верка, Василию Ивановичу очень нравится, что ты увлекаешься Тургеневым. Смотри, он даже раскис от удовольствия. Поздравляю. Ведь тебя это вполне устраивает. В общем — целуйтесь. Не буду вам мешать *(Уходит.)*

Пауза. В е р а закрывает лицо руками, поворачивается, убегает.

Р о м а н о в *(вслед)*. Верочка!.. Все пропало. *(Подходит к столу, наливает себе стопку водки.)*

Входит Скворцов с большим букетом цветов. В удивлении задерживается у дверей. Романов пьет.

Скворцов. Вася, ты уже здесь?

Романов. Уже

Скворцов. А почему один? Где жена? Где Лелечка?

Романов. Не знаю я никакой Лелечки. И ты ее не знаешь, к сожалению. Давай лучше выпьем, Павел, и я пойду.

Скворцов. Вася, что случилось? Ты посмотри на себя в зеркало... Наталья где?

Романов. Наталья Кузьминична?.. Здесь. То есть здесь ее нет, но она должна быть где-то именно здесь.

Скворцов. Пьян ты, что ли?

Романов. Нет... Я, Павел Павлович, в необъяснимом состоянии.

Скворцов. Ничего не понимаю. *(Поспешно идет к дверям в спальню, уходит.)*

Романов. Павел, погоди... Я шучу, Павел!

В других дверях появляется Вера. Пауза.

Вера. Василий Иванович... Вы на меня не сердитесь?

Романов. Верочка, что вы!.. Понимаете, какое несчастье... Мне сегодня неожиданно исполнилось шестнадцать лет.

Из дверей спальни пулей вылетает Елизавета Кузьминична. Вера вновь скрывается.

Елизавета *(всхлипывая)*. Чтобы я когда-нибудь пришла в этот сумасшедший дом! Не-ет. Вы только подумайте — Павел хотел меня ударить!

Романов *(повеселев)*. Здорово! А почему не ударил?

Елизавета. Я же не дура. Вижу, глаза у него стали, как у коршуна, и... спокойно повернулась и ушла.

Романов. Что значит самообладание. Знаете что, Елизавета Кузьминична? Давайте выпьем!

Елизавета. Что вы, Василий Иванович! Ведь у меня сердце, и я очень редко пью. За что же мы с вами будем пить?

Романов. За то, чтобы люди не портили друг другу жизнь. Хотя черт с ними. Когда человеку хочется выпить, уместный вопрос — подо что, а не за что.

Елизавета. Понимаю ваше ревнивое положение. Будьте здоровы. Ой, какая крепкая... *(Многозначительно.)* А вы, Василий Иванович, не отчаивайтесь, все поправимо.

Романов. Только на это и надеюсь.

Елизавета. Лелечка у нас очень умная девушка. Вы это, конечно, сразу заметили?

Романов. Нет, не сразу.

Елизавета. А то, что около нее крутится этот писателишка... Боже мой, разве это серьезный мужчина? Мальчишка! Эх, вы, цену себе не знаете. Какие шпроты!.. А Лелечка не дура. Хотите, я вам помогу?

Романов. Зря вы, Елизавета Кузьминична, стремитесь всем помочь, не оценят.

Елизавета. Да, да, да!

Романов. Я вас только об одном прошу... позовите мне Верочку.

Елизавета. Веру?.. Пожалуйста. Только я на вашем месте не путала бы ее в ва-

ши интимные переживания, а поговорила бы прямо с Ольгой. Тем более... (Смеется.) Не хотела, но уж скажу. Вера Лелечке так завидует, так завидует!..

Романов. В чем?

Елизавета. Догадайтесь сами. Это касается вас... Хи-хи! Ловил щуку, а поймал карася! (Уходит.)

Романов. Мудрая женщина. Особой мощности тетя. Воображаю, сколько зла она принесла своей сестрице. Зря, зря Павел ей не всыпал. В порядке педагогического воздействия.

Входит Вера.

Вера. Вы меня звали, Василий Иванович?

Романов. Да... Я хотел спросить вас... Это самое... Вы уже, очевидно, сдали сопротивление материалов?

Вера. Сдала. На пять с плюсом.

Романов. Именно на это я и рассчитывал... Не то говорю.

Поспешно входит, почти вбегает Кузьма Федорович.

Кузьма Федорович. Несчастье!.. Ну, кто бы мог этого ожидать? Ай-яй-яй!

Романов. Здравствуйте, Кузьма Федорович.

Кузьма Федорович. Василий Иванович!.. Ага, навестить решили! Это хорошо. Ох, и нехорошо получилось. Вы товарища Беляйкина знали?

Романов. Ну, еще бы. Умер?

Кузьма Федорович. Хуже! В Мамадыш товарища Беляйкина направили. На заготовку дикорастущих.

Романов. Дикорастущих?

Кузьма Федорович. Вот, никто не верит. А непревзойденный факт. Налейте-ка и мне неполную через верх. Прихожу сегодня к товарищу Беляйкину в кабинет, а на нем лицо белое, как дверь... Будем толстеньки. *(Пьет.)* Хо!.. Паюсная икра — богато живете. Сидит и пальчиками по столу хлопывает. Какой человек! Нет, это ведь так не делается. Что-то у нас такое происходит... *(Указывая пальцем на потолок.)* Там.

Вера. Кузьма Федорович!

Кузьма Федорович. Ась?

Вера. Дядя Павлуша приехал.

Кузьма Федорович. Н-но! Удивление. Двенадцать лет человек просидел на одном стуле и вдруг... Где этот самый Мамадыш помещается?

Романов. Вас интересуют координаты?

Кузьма Федорович. На чорта они мне сдались — ваши координаты. Вы мне объясните, как это могло получиться?

Вера. Василий Иванович, я пойду.

Романов. Верочка, милая, подождите. Идите сюда. Выпейте с нами.

Вера. Пожалуй. Волнуюсь я... очень.

Кузьма Федорович. Надо думать. Главное, я его спрашиваю: за что, Яков Савельевич? Молчит и только пальчиками по столу стрекочет. А ведь все думаешь, как лучше. Ну-ка, пустим еще одну для равновесия. Чтобы не качалась голова. *(Наливает.)*

Вера. Дядя Павлуша приехал.

Кузьма Федорович. Приехал? Что же ты молчишь?

Вера. Я вам говорила.

Кузьма Федорович. Вот чему не пропасть. Где он?

Вера. Там.

Кузьма Федорович. Ну, слава богу. Пойти проведать, однако. Вот, небось, удивится. Ну, дела! *(Уходит.)*

Романов. Выьем, Верочка.

Вера. За что?

Романов. Вот почему самые хорошие, самые чистые слова так трудно произнести?

В е р а. Я вас боюсь, Василий Иванович.
Р о м а н о в. А я — вас.

Романов и Вера посмотрели друг на друга. Рас-
смеялись.

Я изведаль все. И хорошее и... очень плохое.
И никогда не думал, что могу опять стать
неловким, робким, застенчивым. Могу, ока-
зывается. Смешно?

В е р а. Если бы вы всегда были таким. А
вот я завидую дяде Павлуше и Наталье
Кузьминичне. Неужели наша молодежь раз-
училась так любить?

Входит Ольга в голубом платье.

О л ь г а. Ну, как, объяснились? *(Подходит
к телефону, набирает номер.)*

Р о м а н о в. Нет... Понимаете, Ольга Пав-
ловна, я очень люблю Веру. Очень люблю.
Но вот именно ей мне это трудно сказать.

О л ь г а. Оригинальничаете?

В е р а. Василий Иванович... Разве Леля
это поймет?

Р о м а н о в. А разве я обращаюсь к ней?

О л ь г а *(в трубку)*. Евдоким?.. Меня ин-
тересует, почему ты ушел. Очередная сцена?
А?.. Боже мой, нельзя же быть таким наив-

ным и ненаблюдательным. Во-первых, Василий Иванович испытывает неземную любовь к Вере.

Романов. Ольга Павловна!

Ольга. Ну, спрашиваешь? Верка уже давно влюблена в него, как кошка. Полная идиллия! Цезарь и Клеопатра...

Романов. Кажется, я ее сейчас ударю.

Вера. Она ведь обращается не к вам.

Ольга. Ты им завидуешь?.. Не говори глупостей. Приходи сейчас же. Поговорим насчет Мокруши. Ну, приходи, Евдоким, милый. *(Кладет трубку.)* Учитесь, дети, культурному обращению.

Романов. Да. Вот только сейчас, Ольга Павловна, я вас оценил по достоинству.

Ольга. Оценили все-таки. Давайте потанцуем. Вера, ты ревновать не будешь?

Вера. Буду.

Ольга. Глупая! Все равно не уследишь.

Романов. Нет, я не могу. Ольга Павловна, то, что вы сейчас говорите, — чудовищно. Соловей не должен каркать.

Ольга. Ух ты, какой поэтический образ! Выпейте лучше и закусите паюсной икрой.

Романов. Сдаюсь.

Входят Скворцов и Кузьма Федорович.

Скворцов (медленно проходит по комнате, опускается на кушетку. После паузы). Ну, что вы все молчите? Ведь столько не видались и... опять расстанемся. Надолго, очевидно. А может быть, и навсегда.

Ольга. Папочка! Зачем ты так говоришь? (Подбегает к отцу, обнимает его.)

Кузьма Федорович. Какая некрасивая картина! Ай-яй-яй! А ведь ты сам во всем виноват, Павел Павлович.

Скворцов. Ну, что я сделаю, если Наташа не хочет оставить Москву? Даже на два года.

Кузьма Федорович (Романову). Слышали?.. И это говорит муж, глава семьи! А куда она, эта самая Москва, денется? Она, брат, крепко в землю вкопана. Как стояла тысячу лет, так и еще пять тысяч простоит. Город знаменитый, что и говорить. Но и в Москве есть люди — живут хуже, чем в деревне. Другому лоботрясу самое любезное дело где-нибудь в Рязанской губернии коноплю сажать. И жил бы он на этом заведении, как тетерев в овсе. Нет, куда там! Так и будет всю жизнь в трамваях на перекладинке висеть. А ведь тоже, я — москвич! Я на Триумфальной площади пеной торжую. Эх, и много напрасного народу в

Москве обретається. Сила! Про себе скажу. Шістьдесят років в Москві просидів, як царь-колокол, а що толку? Даліше Мытищ і Росії не знаю.

Скворцов. Кузьма Федорович, милий! Ну, що ти мене агітуєш? Вже слухав наш розговор з Наташею.

Кузьма Федорович. Це не розговор. Не одобряю. Явився з букетиком, як жених. Ах, милочка!.. Тьфу!.. Да я б, на мой характер, так з цією милочкою поговорив, що вона на п'ятдесят кроків впереди мене к вокзалу побігла б.

Ольга. Дедусь!

Кузьма Федорович. А любов від цього не прокисне. Верно я говорю, Василь Іванович?

Романов (*покосившись на Веру*). Я... краще помолчу, Кузьма Федорович.

Вера. Чому? По-моєму, Кузьма Федорович краще говорить. Я вон, наприклад, уступила б коханої людині, якщо б знала, що він прав.

Романов (*вголоса*). Верочка!

Входять Наталья Кузьминична з букетом і Елизавета Кузьминична.

Наталья. Що я бачу? На столі вино,

закуска, а дорогие гости сидят, как на панихиде.

Романов. Мы ждем хозяйку.

Наталья. Да, а вы, Василий Иванович, от меня дождетесь. С огнем играете. Что это вы опять наплели мне про Павла?.. И не стыдно!

Романов. Хорошо всегда говорит Кузьма Федорович: «Ведь все думаешь, как лучше».

Кузьма Федорович. Вот и главное.

Наталья. Разве мне легко расстаться с Павлушей? Обидно как. Прошло то время, когда он так бы не поступил.

Скворцов. Не надо, Наташа. Уже сказано все.

Наталья. Прости. Ну, что же, прошу дорогих гостей пожаловать к столу. Не знаю, когда опять соберемся все вместе.

Скворцов (*поднимаясь*). Нет. Я лично не могу. И Василий Иванович тоже. Через двадцать минут нас принимает нарком.

Кузьма Федорович. Слышишь, Наталья?

Романов. Так быстро?

Скворцов. Очевидно, мы в Москве действительно дорогие гости. До свиданья. (*Целует Ольгу.*) Леля, а с тобой мне надо серьезно поговорить.

Ольга. Хорошо, папочка.

Романов. До свиданья. *(Идет следом за Скворцовым, у дверей задерживается.)*

Верочка, можно вас на минутку?

Вера. Да, да... Ну, конечно.

Скворцов, Романов и Вера уходят.

Кузьма Федорович. Наталья!

Наталья. Оставьте меня в покое.

Кузьма Федорович. Истукан ты каменный. *(Поспешно уходит.)*

Ольга. Мамочка, я боюсь!

Наталья. Иди, Ольга, проводи отца. И ты, Елизавета.

Ольга. Мамочка!

Елизавета. Пойдем, Лелечка.

Ольга и Елизавета Кузьминична уходят. Наталья Кузьминична долго стоит одна посреди комнаты с букетом в руках.

Наталья. Глупые все какие... Неужели вы думаете, что я останусь в Москве одна... без Павла?

З А Н А В Е С

3 p. 25 к.

